

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

СКОРО В ГОРОДЕ!

КОЛЛЕЖИОН

РОКОВАЯ
ДУЭЛЬ

КУПОЛ
ИЗГНАННЫХ

ИСКУСНЫЕ
АРАБЕСКИ

УНИКАЛЬНОЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Колизион

Марина Ясинская

Колизион. Купол изгнанных

«РОСМЭН»

2023

Ясинская М.

Колизион. Купол изгнанных / М. Ясинская — «Росмэн»,
2023 — (Колизион)

ISBN 978-5-353-10004-1

Третья, заключительная книга трилогии. В качестве директора «Колизиона» Кристина наконец принимает ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбы всех артистов. Она понимает, как ей действовать, и продолжает идти к намеченным целям: разгадать тайну необыкновенных цирков и вернуть себе свою жизнь. Но для этого придется выиграть самую настоящую дуэль, где ставкой оказывается само существование «Колизиона». И Кристина все еще очень, очень мешает многим – своему двойнику и другим хостильерам, жестокому директору «Обскуриона» и особенно загадочному Первому фамильяру...

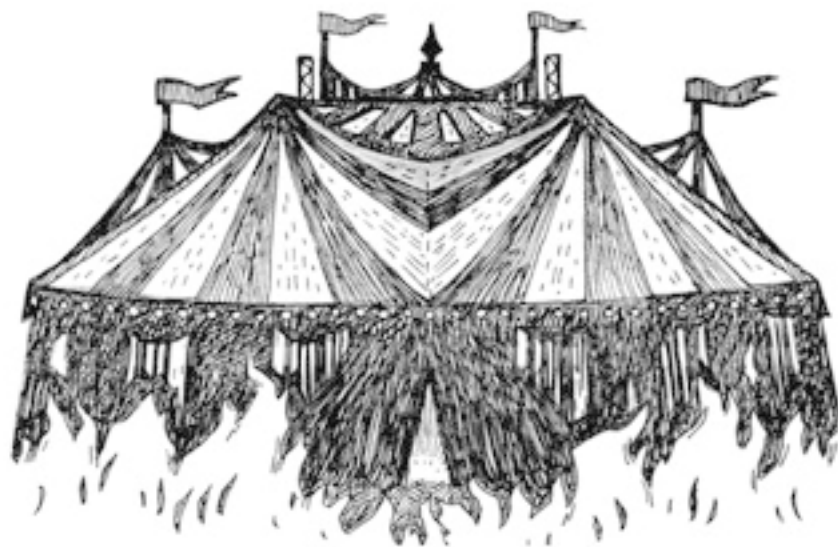
ISBN 978-5-353-10004-1

© Ясинская М., 2023

© Росмэн, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марина Ясинская

Купол изгнанных

© Марина Ясинская, текст, 2023

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2023

Глава 1

Когда оказываешься в опасной ситуации, начинаешь радоваться даже самым банальным вещам. Кристине раньше и в голову не могло прийти, что она будет испытывать такое огромное облегчение и счастье от того, что может двигать руками и ногами! А это было первое, что она сделала, поняв, что оказалась в автобусе чужого цирка, напротив его директора, Джордана: пошевелилась, чтобы понять, не лишили ли ее этой возможности.

Впрочем, радость длилась недолго. Да, она способна двигаться, но как ей это поможет? Убежать все равно не дадут. Особенно если было приложено столько стараний и усилий ради того, чтобы захватить ее.

Кристина попыталась встретить взгляд Джордана прямо и решительно, но это оказалось затруднительно, потому что на нем были его неизменные мозаичные очки.

– Ну и зачем вы меня искали? – с вызовом спросила она.

И тут же пожалела, что обратилась к Джордану на «вы». «Вы» создает дистанцию, «вы» закрепляет разницу в положении, «вы» подчеркивает власть. Нужно было лишить директора «Обскуриона» этой крохи влияния, обратившись на «ты», но годами внушаемые правила вежливости взяли свое, не спросив разрешения, и выдали «вы».

Джордан не торопился отвечать. Мозаичные очки смотрели на Кристину, она видела в них разноцветные отражения десятков маленьких Кристин, а в каждой из них – неуверенность, сомнение и страх. И если это видела она, то и Джордан, должно быть, тоже видел. Они еще не начали переговоры, но она уже проигрывает!

– Присядь, – наконец предложил директор «Обскуриона». – Разговор у нас будет долгий.

Первым порывом было отказаться, но Кристина подавила в себе желание устроить бессмысленный мелкий бунт. Чего она этим добьется? Ровным счетом ничего. Только покажет, какая она еще совсем юная и эмоционально незрелая. То есть снова продемонстрирует свои слабости, которых у нее и так хватает.

Кристина опустила в ближайшее кресло и, только утонув в его глубине и мягкости, обратила наконец внимание на внутреннюю обстановку автобуса. Салон больше походил на рабочий кабинет очень состоятельного человека весьма консервативных вкусов: деревянные панели на стенах, толстый ковер, роскошная кожаная мебель, и все выдержано в разных оттен-

ках черного – директор «Обскуриона» сохранял цветовую гамму своего цирка и в личных апартаментах.

Тонированные стекла создавали за окнами вечные сумерки, и Кристина не могла сказать, день сейчас или уже вечер. По логике вещей, наверное, день, ведь перемещение сюда было мгновенным, но кто знает, как это на самом деле работает?

Джордан устроился в кресле напротив, неторопливо плеснул себе в бокал на пару пальцев янтарной жидкости из хрустального графина. Запахло древесной корой, миндалем и алкоголем. Директор цирка взболтал напиток, затем принялся рассматривать его сквозь мозаичные очки на свет. Кристина заставляла себя не шевелиться и не проявлять нетерпение; она была уверена, что это проверка, и Джордан намеренно старается вывести ее из себя.

Наконец директор «Обскуриона» сделал глоток, поставил бокал на столик, а затем запустил руку в вырез черной рубашки и вытащил цепочку с нанизанными на нее массивным кольцом и круглым кулоном.

Память – та самая, новая, появившаяся у Кристины после ночи, проведенной в цыганской кибитке, – подсказала: это амулеты-основатели других цирков. Тяжелое золотое кольцо украшал крупный бриллиант в окружении мелких изумрудов; Кристина не видела этих деталей сейчас, но чужая память точно знала, как оно выглядит. Кулон же оказался крупной пуговицей, серебряной, с тонкой филигранью и мелкими бриллиантами.

– Видишь? – спросил Джордан, поднимая цепочку повыше. – Для этого я тебя и искал. Теперь у меня их три.

– Два, – автоматически поправила Кристина. Она видела только два амулета, кольцо и пуговицу.

Но раз у него их два, а не один только собственный амулет-основатель «Обскуриона», значит, Джордан каким-то образом заполучил амулет другого цирка. Уж не того ли Пропавшего цирка, слухи о котором передавали друг другу испуганным шепотом? И не стал ли тот цирк пропавшим именно потому, что лишился своего амулета и защиты, которую он давал?

– Но с твоим – три, – невозмутимо ответил директор «Обскуриона».

– Для этого вам еще надо его забрать, – огрызнулась Кристина, демонстрируя куда больше дерзости, чем на самом деле у нее было.

Что она сделает, если он решит забрать амулет силой? Ровным счетом ничего! А без него «Колизион» лишится защиты от враждебных фамильяров и станет уязвим. Нет, она не может позволить Джордану забрать их амулет!

– Собираете коллекцию? – задала Кристина глупый вопрос, чтобы выгадать время.

Джордан кивнул. Казалось, он видел ее насквозь – всю ее панику, все сомнения, всю неуверенность и страх, все попытки выкрутиться – и забавлялся.

– Зачем?

– Хочу повторить то, что сделали наши недалёковидные предки, но только на этот раз распорядиться силой заклинания с куда бóльшим умом, – туманно ответил Джордан.

– Собираетесь создать новые цирки? – выдвинула первую пришедшую ей на ум версию Кристина.

– Разумеется, нет!

– Тогда зачем?

– Ради власти, конечно, – пожал плечами Джордан. – Ради власти и силы. Сейчас эта сила разделена на шесть частей между шестью цирками. Я же хочу собрать ее целиком и распорядиться ею единолично. Наконец-то иметь реальную силу, а не жалкие ее крохи.

Кристина даже не особенно удивилась, услышав ответ. В конце концов, власть была, есть и будет главной целью и вожаемой добычей многих и многих людей. И уж тем более тех, кто в книге собственной жизни выбрал себе роль отрицательного героя.

– И как вы собираетесь ею распоряжаться? – подозрительно осведомилась Кристина, хотя догадывалась, что человек, готовый хитростью и жестокостью добиваться власти, не станет использовать ее во благо.

Впрочем, для таких людей власть уже сама по себе была конечной ценностью и наградой.

– Для начала мне нужно ее получить, а там уж разберусь. Уверен, я придумаю что-то стоящее.

При этих словах по губам Джордана скользнула улыбка.

– Но, забрав амулеты, вы уничтожите остальные цирки, – заметила Кристина и прикусила язык: разумеется, директор «Обскуриона» об этом знает! Знает, но его это ничуть не волнует; тот самый случай, когда цель оправдывает средства.

– И так будет только к лучшему. К чему этим бедолагам влачить жалкое и бессмысленное существование? Они не осознают даже тех крох силы, которая им досталась, и постоянно балансируют на грани удаления. Лучше уж наконец освободиться раз и навсегда!

– Не уверена, что они посмотрят на это с такой точки зрения, – сказала Кристина.

Сама она совершенно точно знала, что не считает удаление свободой; напротив, «Колизион» заставил ее хотеть жить сильнее, чем прежде. И не ее одну.

– Они просто не видят всей картины, – небрежно отмахнулся Джордан.

– А вы, значит, видите, да? И что же это за картина? Один-единственный цирк, и вы – его правитель?

– Узко смотришь, девочка, – снисходительно улыбнулся Джордан. – Что тебя заклинило на этих цирках? Давно пора выходить за их пределы и забирать то, что принадлежит нам по праву!

– Например?

– Например, власть над фамильярами. Когда-то они были нашими покорными слугами и помогали нам... Пока одна безрассудная ведьма не разрушила все барьеры и преграды, и они не вышли из-под контроля и не хлынули в наш мир неудержимым потоком. Догадываешься, о ком я? – многозначительно сказал Джордан и так высоко поднял брови, что их стало видно над очками.

– Ее звали Христиана, – пробормотала, краснея, Кристина – имя своей давней прародительницы, на которую она так похожа, тоже пришло к ней этой ночью.

Она разозлилась на себя за эту реакцию. Что за глупость! Не она же снесла барьер, отделявший их мир от того потустороннего измерения, где обитали сущности, превращавшиеся в фамильяров! Да, Христиана – ее много-раз-прабабушка, но Кристина не в ответе за ее действия и ее грехи! Если бы было иначе, то все человечество только и занималось бы тем, что бесконечно искупало ошибки прошлого вместо того, чтобы двигаться в будущее.

– Значит, власть над фамильярами... – задумчиво протянула Кристина. Выходит, Джордан уже знает историю многовековой давности, о которой сама она узнала лишь прошлой ночью. – И над людьми тоже?

– Разумеется. Лучшие из людей должны стоять над остальными. Ведьмы и колдуны совершенно очевидно лучше обычных людей.

Уверенность в голосе Джордана была абсолютной и непоколебимой, и Кристине даже в голову не пришло начинать дискуссию о социальной справедливости: все равно это бессмысленно перед лицом подобной убежденности.

– Ладно, положим, я отдам вам медальон, – сказала Кристина, понимая, что не сможет оттягивать неизбежное до бесконечности, но все равно делая попытку еще немного продлить разговор. – Что я от этого получу?

– А с чего ты взяла, что должна что-то получить? – искренне удивился Джордан. – Это вообще частая проблема нынешнего поколения: каждый почему-то думает, что у него полно

прав, что все ему должны и обязаны и он может претендовать на какие-то блага и компенсации. Но с чего вдруг? Чтобы что-то получить, это надо заработать!

– Или забрать силой, – тихо заметила Кристина.

– Или забрать силой, – ничуть не смущаясь, подтвердил Джордан, позволив этим словам повиснуть в воздухе и давая понять, что, если Кристина откажется, он так и так заберет у нее то, что ему надо.

Кристина физически ощущала насмешливый взгляд из-под мозаичных очков – неважно, что у Джордана вообще не было глаз, чтобы бросать на кого-то взгляды! – чувствуя себя несмышленым ребенком, вздумавшим влезть во взрослые игры и даже вообразившим себя равным игроком.

– Но мы же исчезнем... – растерянно повторила Кристина, нащупала амулет в кармане и стиснула его в тщетной попытке защитить от посягательств. Словно отвечая на прикосновение, металл мгновенно нагрелся, и так сильно, что почти обжигал кожу.

– Ах, какая трагедия, – невыразительным голосом сказал Джордан. – И, конечно же, меня это так беспокоит, так беспокоит!

Он поднялся с кресла, в два шага сократил разделявшее их с Кристиной расстояние, встал напротив, не оставив ей места даже на то, чтобы подняться, и требовательно протянул раскрытую ладонь.

– У меня нет его с собой, – быстро соврала Кристина.

Джордан укоризненно поцокал.

Можно было лгать и дальше, но Кристина понимала, что это бессмысленно. Однако она все равно глубже вжалась в кресло и упрямо помотала головой. Кристина понимала, что в любом случае лишится медальона, но отдать его добровольно просто не могла. Пусть уж тогда забирает силой!

Джордан не стал церемониться. Он схватил руку Кристины и больно вывернул.

На глазах у девушки навернулись слезы. Как же это больно и унижительно – быть такой беспомощной! Вот тебе и наследница великой ведьмы, вот тебе и колдовская сила, и цирк, который выбрал ее директором! Грош цена всему этому, если ты ничем не умеешь пользоваться!

«Только бы не расплакаться!» – взмолилась про себя Кристина.

Чувства беспомощности вполне достаточно и без того, чтобы добавить к нему еще и демонстрацию слабости. Не то чтобы Джордану было так уж важно ее унижение; собственно, ему чувства Кристины были вообще неинтересны, он их не смаковал и, похоже, вовсе не замечал. Но это было важно для самой Кристины. Она не хотела окончательно рассыпаться и превратиться в ноющее, всхлипывающее ничтожество. Хотела сохранить хоть каплю достоинства. Если уж проигрывать и терять все, то хотя бы с поднятой головой и не залитым слезами лицом. Бессмысленное глупое благородство, которое сейчас оказалось единственным, что у нее осталось. Единственным, за что она еще держалась.

Джордан тем временем силой разжал пальцы Кристины, сгреб медальон и... удивленно уставился на свою пустую ладонь. Затем снова взял медальон. Точнее, попытался. На этот раз Кристина, ошеломленная не меньше Джордана, внимательно следила за происходящим и видела, как его пальцы словно прошли сквозь украшение.

– Где? Где настоящий амулет? – прорычал Джордан.

– Вот он!

– Не ври! Я все равно его найду!

– Я не вру! – воскликнула Кристина и приготовилась к тому, что сейчас ее будут обыскивать.

Но Джордан лишь почти вплотную приблизил к ней лицо, и его очки так долго смотрели на нее, что десятки маленьких разноцветных Кристин, отражавшихся в стеклах, начали кружиться, как в калейдоскопе. Потом он раздраженно отбросил ее руку и отошел.

– Убить тебя, что ли? – протянул Джордан через некоторое время.

Кристина понимала, что он лишь рассуждает вслух, а вовсе не обращается к ней за советом, но все равно похолодела.

Может, второй амулет цирка он получил именно так, убив его директора?

– Хотя если что-то пойдет не так, с твоим трупом иметь дело будет сложнее, чем с тобой, – продолжил размышлять вслух он, и Кристина энергично закивала.

Да-да, она очень поддерживает эту мысль! А пока Джордан ломает голову над тем, как забрать у нее амулет, она попытается воспользоваться этим и сбежать. Да, побег – это, скорее, теоретическая возможность, но лучше такая, чем вообще никакой.

– Но ведь ты всегда можешь передать мне амулет добровольно, – задумчиво заметил Джордан.

Кристина едва не фыркнула. Добровольно, ага! Как же!

– «Добровольность» – понятие растяжимое, – почти с наслаждением проговорил директор «Обскуриона». – Всегда есть действенные способы подтолкнуть человека к добровольным действиям.

Воображение тут же с готовностью прокрутило перед Кристиной мини-презентацию различных способов принуждения к добровольной передаче амулета, которая изобиловала колюще-режущими предметами, а также – внезапно – воспоминаниями о виденных где-то, то ли в книгах, то ли в какой-то передаче, средневековых пыточных камерах.

А затем в этой веренице картинок появился Апи. И вот тогда Кристина по-настоящему испугалась. Если Джордан решит давить на нее через мальчишку, он очень даже может добиться желаемого. Одно дело – самой терпеть боль ради своей Великой Цели и совсем другое – смотреть, как боль ради *твоей* Великой Цели вынуждены терпеть другие. И тот факт, что *ее* Великая Цель, по идее, осчастливит всех, мало помогает прямо в моменте, ведь то будущее счастье еще только в перспективе, а боль, к тому же боль, которую терпят за тебя другие, – она прямо здесь и сейчас.

Не сказав больше ни слова, Джордан поднялся и быстро вышел из автобуса. Кристина осталась в одиночестве в черном салоне, всей душой надеясь, что тот пошел не за Апи.

Прекрасно понимая, что вряд ли ей *так* повезет, Кристина все равно осмотрела салон автобуса, подергала все окна, понажимала все кнопки на панели, побила плечом в дверь, поискала люк и лишь убедилась в том, что и так знала: разумеется, она заперта и выйти не сможет. Обыск внутри салона тоже не подарил ни ключей, ни отмычек, ни какой-нибудь биты, которыми можно проложить себе дорогу к свободе.

Не видя смысла устраивать истерику, колотить в дверь и кричать, требуя, чтобы ее выпустили, Кристина уселась в одно из кресел и попыталась составить план действий. Похвальное намерение, которое, впрочем, быстро продемонстрировало его непрактичность: крайне сложно строить какие-то планы, когда у тебя почти нет данных.

Так и не придумав никаких гениальных сценариев побега, Кристина решила воспользоваться моментом и немного разложить у себя в голове охапку той информации, которую вывалила ей цыганская кибитка, не позаботившись о том, чтобы снабдить девушку приличной картотекой или поисковым индексом. Придется заниматься этим самой. Возможно, если изучить и рассортировать все сведения, там найдется что-то полезное, что пригодится прямо сейчас.

Но вместо этого мысли увели Кристину совсем в другое русло и напомнили о шокирующих разоблачениях, которые сделала Ронда перед тем, как ее забрать. Кто у них в «Колизионе» шпион другого цирка? Может, Мануэль вовсе не несчастная жертва, выброшенная Джорданом за ненадобностью, а как раз шпион? Или шпион это Дэнни? Его появление в «Колизионе» тоже

выглядит подозрительно! А может, есть и другие? Ронда же говорила про «парочку» шпионов из других цирков.

А другим шпионом вполне мог быть и Фьор. И если так, то, получается, он действовал не по собственной инициативе, а по приказу своего цирка, которому она непонятно чем помешала.

И кто такие Наблюдатели, агентом которых якобы является Вит? Что им надо от «Колизиона»? А еще Ронда сказала, что Вита искусственно к ним ввели. Искусственно – значит, его не заменил фамилляр? Значит, Наблюдатели, кем бы они ни были, умеют так делать! Умеют наделять обычных людей зачатками колдовской силы. Кто они такие и зачем это делают?

А Ковбой? Он и впрямь фамилляр? Тоже шпион, но работает фамилляром? Так, стоп! Это уже шпиономания какая-то получается! Ковбой вовсе не обязательно чей-то шпион, он может быть просто фамилляром. Правда, есть один маленький смущающий момент: фамилляры не могут попасть внутрь цирков...

Кристина еще глубже погрузилась в кресло и сжала голову руками, словно пытаюсь унять бурный поток вопросов без ответов, которые появлялись один за другим, все быстрее и быстрее. Страшно даже подумать, что сейчас творится в «Колизионе», ведь у циркачей наверняка такие же вопросы. И все главные подозреваемые тоже там. А это значит, что обвинения будут бросать прямо в лицо, – и, зная характер некоторых циркачей, не приходится сомневаться, что это лишь вопрос времени, когда чей-то темперамент полыхнет и начнется пожар...

* * *

Крис и Апи с Рондой уже давно и след простыл, а циркачи так и продолжали оставаться на своих местах, растерянно переглядываясь и не понимая, как быть и что делать. Похищение новоявленного директора прямо на их глазах, – пусть даже они еще не успели привыкнуть к мысли о том, что Крис действительно директор, – а также многочисленные разоблачения, которые сделала Ронда, все это напоминало гранаты с уже выдернутой чекой, которые лежали под ногами и пока еще не взорвались, но все прекрасно понимали, что еще чуть-чуть и как-как рванет!

– Ну, с кого начнем? – наконец нарушил тишину Кабар и обвел собравшихся пристальным взглядом. – С фамилляра? – уставился он на Ковбоя. – Со шпиона Наблюдателей? – Взгляд пронзил Вита. – Или со шпионов других цирков? Или с потомка инквизиторов? Кстати, а где он? Где Фьор?

Фаерщика в толпе не было.

– Может, начнем с меня? – негромко предложил Те.

– Да с тобой-то как раз все понятно, – отмахнулся метатель ножей. – То, что ты нагваль и оборотень, нам давно известно.

Те молча пожал плечами – «ну как хотите» – и начал невозмутимо раскуривать трубку.

– Раз нет желающих, давай тогда с тебя, – резко повернулся Кабар и наставил палец на Графиню. Лас, незаметно подобравшийся к ней поближе и смотревший на нее жалобным щенячьим взглядом, вздрогнул и отшатнулся. – Рассказывай, где шлялась?

Графиня, явно не ожидавшая такого поворота, поперхнулась воздухом. И прежде чем она успела ответить, вмешался Ковбой.

– Мир может лететь к чертям, но маленькая личная месть всегда остается нашим главным приоритетом, не так ли? – насмешливо протянул он.

– Фамиллярам слова не давали! – грубо обрубил Кабар.

– В таком случае кто давал слово тебе? – и не подумал смущаться Ковбой. – Ты кто? Директор? Или тебя выбрали народным голосованием руководителем на время кризиса?

– Но кто-то же должен разобраться во всей этой... этой... – Возмущенный Кабар так и не нашел подходящего слова, чтобы описать то, что творится, и замолчал.

– И, конечно же, это должен быть ты, наш спаситель всея Колизиона! – громко сказала Риона.

Все удивленно уставились на розоволосую девушку; циркачи привыкли, что жившую под гнетом Кабара ассистентку обычно не видно и не слышно. Смена роли явно пошла ей на пользу. Во всяком случае, она больше не боялась открыто выступать против метателя ножей.

– Кто-то же должен разгрести все это дерьмо! – заговорил Кабар пафосными фразами из переводных фильмов и гордо приосанился. – И если других желающих нет...

– Да ты никому и шанса не дал, сразу первым на броневику лезешь. И это уже не в первый раз, – поддержал Риону Вит.

Он встал рядом с девушкой и попытался было взять ее за руку, но та ее резко вырвала и отодвинулась.

– Получил номер на арене и сразу крутым заделался, что ли? – злобно ответил Кабар. – Или Наблюдатели подарили тебе немного храбрости? Ну, что ты для них делал? Кого из наших предал? Может, это из-за тебя были последние удаления? Давай рассказывай!

– Я, конечно, понимаю, что лучшая защита – это нападение, – снова вмешался Ковбой, ничуть не смущенный тем, что его разоблачили, – но прежде, чем атаковать, может, стоит задуматься над тем, готовы ли вы верить голословным обвинениям стервы из чужого цирка, главная задача которой – посеять среди нас раздор?

– Положим, про Вита и остальных она наврала. Но тебя-то раскрыла не она, а Графиня! – победно воскликнул Кабар. – И для тебя нет никаких «нас», так что нечего тут примазываться!

Ковбой небрежно пожал плечами, словно отмахиваясь от сущей пустяковины, и переместил соломинку из одного уголка рта в другой.

– Вот именно поэтому ты не годишься на роль лидера, Кабар, – снова очень громко и отчетливо сказала Риона. – В критической ситуации лидер должен объединять. А все, чего можешь добиться ты, это начать разборки, после которых мы ополчимся друг на друга.

Кабар обвел глазами циркачей и криво ухмыльнулся, не увидев среди них поддержки. Задержался взглядом на своей недавней союзнице Джаде. Та глаз не отвела, но и публично выступать на стороне метателя ножей, похоже, не собиралась. То ли решила переметнуться на другую сторону, то ли преследовала какие-то свои личные интересы.

– Ах, какие на всех белые пальто! Аж глаза слепит! – насмешливо процедил Кабар. – Ну, давайте предлагайте свои варианты действий! Никому же не интересно выяснить, что в нашем цирке делает фамильяр, кто такие Наблюдатели, что им от нас надо и кто среди нас – шпионы других цирков?

– Очень интересно, – неожиданно согласилась Графиня. – Нам всем очень интересно это узнать. Но прямо сейчас все же важнее вернуть Крис и Апи, разве не так? Жили мы как-то до этого в таком составе и вполне уживались, не зная, кто есть кто на самом деле. Так что разоблачения вполне могут подождать еще немного, это уже ни на что не повлияет. А вот оставлять наших у «Обскуриона» мы не можем. Мы должны их вернуть! Тем более там наш настоящий директор.

– Значит, такой директор, раз ее запросто может увести первый встречный, – пренебрежительно сказал Кабар. – У нас последнее время вообще не директора, а сплошной парад неудачников!

Графиня пропустила его замечание мимо ушей.

– Надо их вернуть, – повторила она, обводя взглядом циркачей. – Согласны?

Те разрозненно закивали, кто – колеблясь, кто – с задержкой, кто – неуверенно, но главное – закивали.

Под конец взгляд Графини наткнулся на переминавшегося позади нее Ласа и замер на нем. Тот вздрогнул, а потом уставился на иллюзионистку жалобным, умоляющим взглядом. Графиня досадливо поморщилась. Лас, осознав свой промах, энергично закивал – да, я тоже согласен!

– А когда мы вернем нашего директора и Апи, тогда и займемся выяснением, кто есть кто, – подытожила Графиня, перестав обращать на Ласа внимание; опыт, полученный во время короткого директорствования, давал о себе знать, распоряжаться и наводить порядок она научилась неплохо.

В тишине раздались издевательские одиночные хлопки, а потом Кабар театрально-громко сказал:

– Браво! Браво! Прекрасный и благородный план! Только один маленький вопрос: как ты собираешься искать «Обскурион»? Они тебе адресок оставили?

– Разборки прямо как в старые добрые времена, – пробормотала Риона вроде бы и негромко, но так, что все услышали.

Усмешки на лицах циркачей обозлили метателя ножей.

– У меня есть парочка идей насчет того, как это можно сделать, – хладнокровно сказала Графиня; закалка в прошлых стычках с Кабаром никуда не делась. – А у тебя?

– Даже если бы и были, думаешь, я бы поспешил их тебе выдать? – фыркнул метатель ножей.

– Общее благо? Нет, не слышали, – весело прокомментировал до этого молча наблюдавший за происходящим Дэнни.

– Догадываюсь, какие у тебя могут быть идеи, – бросила Риона Кабару. – Схватить Мануэля и выбить из него информацию, да?

Циркачи, все как один, нашли взглядом воздушного гимнаста, предусмотрительно державшегося в самом последнем ряду тише воды и ниже травы. Тот побледнел и ткнул пальцем в шуту:

– Дэнни тоже из «Обскуриона»! И я-то с вами уже давно, вы все помните, как подобрали меня, когда я оказался выброшенным из своего цирка. А он к нам прибил по собственному желанию! Очень подозрительно! Если кто и шпион, так это он!

Дэнни медленно, делая большие паузы между хлопками, прямо как Кабар незадолго до этого, поаплодировал воздушному гимнасту.

– Я серьезно! – повысила голос Графиня. – Никаких разборок, пока не вернем Крис и Апи! И поэтому любые идеи, как выйти на «Обскурион», какие только у вас есть – даже самые невероятные и самые сумасшедшие, – пожалуйста, озвучивайте их, мы будем пробовать!

– Все это, конечно, замечательно, благородно и все такое, – наконец заговорила молчавшая все это время Джада, – но мы, кажется, забыли об одной несущественной мелочи.

С этими словами конторсионистка вышла вперед и показала афишу. Ту самую, которую Крис получила на глазах у всех у них буквально из воздуха.

– У нас назначено представление, – напонила она.

Графиня нетерпеливо выхватила афишу из рук Джады и быстро пробежала по ней глазами, выхватывая главные факты: где и когда. Потом с досадой поморщилась:

– Если мы хотим успеть, выезжать надо прямо сейчас.

– О нет, неужели нашу отважную миссию по спасению придется отложить?! – воскликнул Кабар, заламывая руки, словно плохой комедиант. – И мадам, бывшей ненастоящим директором, не удастся побыть супергероиней в развевающемся плаще? – Тут тон метателя ножей резко изменился. – Раз спасательная операция откладывается, можно заняться и предателями. Чем быстрее избавимся от этих тварей, тем меньше будет вонять и легче дышать.

Дэнни смерил метателя ножей взглядом с головы до ног, демонстративно наморщил нос и зажал его пальцами.

По толпе циркачей побежали смешки.

Разъяренный метатель ножей полоснул по коллегам яростным взглядом; он пропустил маленькую пантомиму шута и злился, подозревая, что смеются над ним, но не понимал почему.

Тем не менее предложение Кабара повисло в воздухе и снова напомнило о том, что далеко не все из них, привыкших выступать друг с другом плечо к плечу, те, за кого себя выдают. И от этого становилось не по себе.

– А тебе так не терпится устроить охоту на шпионов и выкинуть из цирка, да? – почти ласково спросила Графиня. – А потом выступать без них, без Крис и без Апи. О нет, это нас ничуть не ослабит! У нас ведь останется так много циркачей, что мы даже не заметим потери и дадим такое представление, что и риска удаления не возникнет?

– Можно подумать, от Крис на арене много толку, – проворчал Кабар, но было ясно, что ему нечего возразить.

– Итак, у нас есть афиша, и мы должны дать представление! – повысила голос Графиня, перестав обращать на метателя ножей внимание. – Поскольку мы пока все равно не знаем, как найти «Обскурион», можно с тем же успехом над этим думать, следуя к месту нашего следующего выступления. Но после представления нам в любом случае придется возвращать Крис, так как без нее новой афиши мы не получим, и вы все прекрасно знаете, чем нам это грозит. Так что повторяю: любые идеи, варианты и предложения, какие у вас есть, – приходите с ними ко мне! Выслушаю всех! А пока – по автобусам!

Все еще растерянные и оглушенные случившимся, циркачи стали расходиться по своим трейлерам и автобусам, и вскоре на опустевшей поляне остались только Графиня, Ковбой и Лас.

– Брысь! – негромко скомандовал стрелок, и Лас, все сверливший Графиню просящим взглядом щенка, наделавшего лужу на любимом хозяйском ковре, вздрогнул, а потом, встретившись с горящими глазами Ковбоя, поспешно ретировался.

– Послушай, – начал было Ковбой, но Графиня его перебила.

– Ты – последний человек... – заговорила она, споткнулась на «человеке» и поправилась: – Ты – последний, кого я хочу слушать!

– А вдруг у меня для тебя есть что-то крайне важное? – спросил Ковбой, не реагируя на неприкрытую враждебность.

– Ты не сможешь придумать извинения или оправдания, которые я приняла бы. Таких вообще не существует!

– Кто говорит что-то об извинениях? – удивился Ковбой.

– Тогда о чем еще ты мог хотеть со мной поговорить? – растерялась Графиня. – Нет ничего, что я сочла бы настолько важным, чтобы услышать это от *тебя*. Ничего, понятно?! – почти сорвалась на крик она.

– Да неужели? – Ковбой улыбнулся лениво и чуть насмешливо, словно эмоциональный срыв иллюзионистки его забавлял. – А как насчет поисков «Обскуриона»?

Глава 2

Пока Первый фамильяр молчал, было сложно поверить, что он – могущественное существо; Тина видела перед собой только Кирилла. Намного более оживленного, без свойственных ему медленных движений и застывающего взгляда, но все равно Кирилла.

Но стоило ему даже не заговорить, а просто посмотреть на нее, и внутри все непроизвольно сжималось. Ха, а Тина еще думала, что страх – это исключительно человеческое чувство, которое ей не придется испытывать! Из знакомых глаз Кирилла на нее смотрел кто-то невыразимо могущественный, бесконечно более опытный и – Тина никак не могла отделаться от этого ощущения – будто немного сумасшедший.

Что случилось с Первым фамильяром? Кто его... не убил, конечно, но кто положил конец его телесному существованию? Где все это время находилось его сознание? Понимало ли оно, что с ним произошло? И как повлияло на него столь длительное заточение?

Ни один из этих вопросов Тина задать не рискнула, так как затаенной ярости во взгляде и голосе Первого фамильяра было более чем достаточно, чтобы понять: отношения между ним и его иницием, ведьмой-прародительницей Кристины, явно оставляли желать лучшего. Впрочем, удивляться неприязни Первого фамильяра к Кристине не приходилось; все хостильеры недолюбливали своих инициев. Пока были живы они, фамильярам не приходилось и мечтать о полной свободе. И все же та глубокая ненависть, видимая даже невооруженным взглядом, которую Первый фамильяр питал к своей создательнице, во много раз превосходила неприязнь Тины к Кристине. И мысль о том, что же там между ними произошло, не давала Тине покоя.

– Я надеюсь, это не вся ваша армия, – сказал Первый фамильяр, поднимаясь на ноги и оглядывая сначала бездыханные тела мужчин – отработанный материал для его возвращения, а затем собравшихся хостильеров.

Вперед выступил Ивар, принимая на себя роль лидера, которую никто из остальных не стал оспаривать.

– Здесь основной ее костяк.

– Мне не нравится, как это звучит, – не купился на уклончивый ответ Первый фамильяр. – Но, возможно, мое мнение изменится, когда мне изложат весь план целиком.

– Весь план? – эхом повторил Ивар.

– Вы же явно пошли на все эти трудности возвращения меня обратно в этот мир не просто так. У вас должен быть план, в котором мне отведена ключевая роль.

Тина поежилась. Решительные холодные слова срывались с губ так хорошо знакомого ей Кирилла, и от этого режущего контраста ей становилось не по себе.

– В целом да, – ответил Ивар. – Мы, собравшиеся здесь хостильеры, надеялись с твоей помощью освободиться от своих инициев, а в перспективе...

– Кто такие хостильеры? – перебил Первый фамильяр.

Ивар замешкался, и Тина догадалась: он тоже не подумал, что Первый фамильяр отсутствовал несколько веков, а значит, пропустил множество событий, и его еще предстоит вводить в курс дела.

– Те фамильяры, чьи инициии являются не обычными людьми, а потомками ведьм и колдунов, стали называть себя хостильерами, – пояснил Ивар.

– Почему?

– Потому что «фамильяр» происходит от латинского *famulus* – слуга. А мы не слуги и никогда больше ими не будем! Мы – хостильеры, мы...

– Враги, от латинского *hostis*, я понял, – нетерпеливо закончил Первый фамильяр. – Вы не слуги своих инициев, вы – их враги. Итак, вы себя переименовали, и что изменилось?

– Ну... Мы стали хостильерами, – неуверенно ответил Ивар.

– Не можешь решить проблему – смени название, да? Вы так и не сумели полностью освободиться от своих инициев, но, когда называете себя хостильерами, вам это помогает чувствовать себя немного лучше. Чуть меньшими неудачникам. Правильно понимаю?

Жесткие слова были болезненны и сами по себе, но то, что они исходили из уст девятилетнего мальчишки, только усиливало их эффект.

Ивар молчал, то ли не зная, что сказать, то ли боясь отвечать. Другие хостильеры предусмотрительно держались поодаль.

– А что остальные фамильяры? – наконец спросил Первый фамильяр.

– А что они? – не понял Ивар.

– Они себя теперь как называют?

– Э-э-э.... да так же, наверное, – фамильярами. Честно говоря, я никогда не интересовался.

– Вы не поддерживаете контакты с фамильярами? Только с хостильерами?

– Э-э-э...

– Поставили себя выше их? – ухмыльнулся Первый фамильяр. – Ладно, а что по хостильерам? Сколько их сейчас?

– Здесь?

– Здесь я и сам сосчитать могу, не слепой и не идиот. Сколько их всего в мире?

– Э-э-э... – снова протянул все больше теряющий почву под ногами Ивар. – Точно не знаю...

– Вы не знаете, сколько вас всего? Вы замышляете полный разрыв связи со своими инициями, по сути, готовите переворот, но у вас нет ни плана, ни армии, ни даже самой основной, необходимой информации вроде вашей общей численности? Ну хоть какая-то организация у вас имеется?

Молчание Ивара было предельно красноречивым.

– Ясно, – подвел итог Первый фамильяр, заложил руки за спину и принялся расхаживать туда-сюда. – Меня вернула горстка энтузиастов с массой амбиций и полным отсутствием стратегического мышления. Прелестно.

– Но ты нам поможешь? – с надеждой спросила Вив; она сумела подняться с пола и сейчас стояла, чуть пошатываясь и прижимая руку к затылку; похоже, падение вышло тяжелым.

Первый фамильяр бросил на рыжую небрежный взгляд и хмыкнул:

– Зачем *мне* это? Моего инициия уже давно нет. А я снова есть. И я, в отличие от вас, свободен.

– Но как же... – растерялась Вив. – Ты же один из нас! Ты первым вышел из-под власти своего инициия! Подал нам всем пример!

– Какой пример? Ты правда считаешь, что я думал о других фамильярах, вырывая себе свободу? Нет, дорогая, я думал только о себе!

– Но ты... наш символ, – совсем потерянно сказала Вив.

– Символ! – Первый фамильяр поморщился, словно унюхал что-то неприятное. – Обычная картинка, значение которой почему-то ужасно переоценивают!

– Ты должен нас вести! – Ивар подключился к разговору, пытаясь выправить разочаровывающий оборот, который он принял.

– Должен?

– Нет, не должен, конечно, – снова заговорила Вив и пустила в ход лесть: – Но кому, как не тебе, самому первому и самому лучшему из фамильяров, вести нас вперед?

– Ведут за собой стадо, – жестко ответил Первый фамильяр. – Безмозглое стадо, которое не может само принимать за себя решения. Вы же хотите свободы. А свобода идет рука об руку с самостоятельностью, в том числе и в принятии решений. Забавно, что вы, так жаждущие свободы и полной независимости и самостоятельности, хотите, чтобы вас к ней привели, как безмозглый скот.

– Так ты нам поможешь или нет?! – воскликнула Вив, теряя терпение и частично страх и уважение, которые поначалу так и сквозили в каждом ее слове, обращенном к Первому фамильяру.

– Не вижу в этом никакой личной заинтересованности.

– Но ты один из нас!

– Никогда не страдал избытком безрассудной лояльности группе, с которой меня объединяют чисто формальные признаки.

Тина увидела, как Вив обменялась с Иваром и остальными хостильерами глубоко растерянными взглядами. Все они ожидали каких угодно трудностей и неудач на пути вызова Первого фамильяра и считали самой сложной задачей его возвращение. Они совершенно не учли того, что когда он вернется, то может отказаться играть роль, которую ему отвели.

– А как насчет благодарности? – тихо спросила Тина.

Она не собиралась вмешиваться в разговор, да и тот факт, что Первый фамильяр говорил устами Кирилла, сильно ей мешал. Но она уже настроилась на свободу от Кристины и потому хотела, чтобы Первый фамильяр выполнил то, на что они все рассчитывали.

– Спасибо, что вернули меня, – с показным послушанием и наигранной готовностью сказал Первый фамильяр, насмешливо кривя губы. – Но я вас об этом не просил.

– Ладно, – сказала готовая к такому ответу Тину. – А как насчет того, чтобы помочь нам, если хочешь и дальше оставаться в этом мире?

– Тина! – приглушенно воскликнул испуганный Ивар. – Ш-ш-ш! Ты что делаешь?

Ни Первый фамильяр, ни Тина не обратили на него внимания.

– Хочешь получить себе союзника с помощью угроз? – Первый фамильяр демонстративно поднял брови.

– Если по-хорошему он не понимает, то почему бы и нет! – с вызовом ответила Тина.

– А так ты уверена в действенности угрозы? Уверена, что вы сумеете меня развоплотить? Что-то мне подсказывает, что мое возвращение – это не столько плод ваших осознанных усилий, сколько банальное везение. Случайное удачное стечение обстоятельств.

Даже если Первый фамильяр и бил наугад, он все равно попал в цель. Все так и было, и Тина не сомневалась, что не только она, но и Ивар с Вив вряд ли понимали до конца и во

всех деталях, как именно у них получилось вернуть Первого фамильяра. Что уж говорить о том, чтобы провести ритуал его развоплощения!

– Рискни, и узнаешь! – ответила Тина, внутренне замирая. Вдруг Первый фамильяр поймет, что она блефует, и заставит ее раскрыть карты?

Первый фамильяр медленно подошел к Тине и уставился на нее снизу вверх.

– А ты все такая же стерва, как и тогда, – наконец сказал он, прищулив глаза.

– Тогда? – не сразу сообразила Тина.

– Ты как две капли воды похожа на Христиану. Значит, твой инициий – ее потомок. И я даже не сомневаюсь, что такая стервозность, как у Христианы, передается из поколения в поколение.

– Это комплимент? – уточнила Тина, стараясь скрыть, как ей не по себе от этого разговора.

Ее наследная память фамильяра включала в себя лишь самые общие сведения о Христиане и уж точно не содержала ничего о том, какой у нее был характер.

– Мечтай! – бросил Первый фамильяр.

– Так ты нам поможешь? – вернулась Тина к главному вопросу. – Или отправлять тебя обратно к чертям или где ты там все это время болтался?

– Тина! – уже резче одернул ее Ивар.

На детском лице Кириллы медленно расцвела злая улыбка.

– Я ждал, проявит ли кто-то из вас характер и твердость. Потому что без них идти отвоюывать свое право на жизнь бесполезно. Радует, что хоть у кого-то они остались. Но очень жаль, что только у нее.

Тина замешкалась, не зная, как реагировать на странный, оскорбительный комплимент Первого фамильяра.

– Это твое согласие? – уточнила она.

– Да, – ответил он. – Я расскажу вам, как освободиться от своих инициев раз и навсегда.

* * *

Сама мысль о том, что, находясь в плену, можно задремать, казалась Кристине совершенно невозможной. И все же, запертая в черном автобусе «Обскуриона» наедине со своими мыслями и совершенно измотанная бурными событиями последних дней, Кристина сама не заметила, как ее убаюкало, и она погрузилась в беспокойный сон. Но и там ее преследовали все те же тревоги.

Проснувшись Кристина от того, что автобус подбросило на какой-то кочке, и, резко вывалившись из полубреда-полусна, поняла, что они, оказывается, уже некоторое время ехали. А раз ехали, значит, кто-то сидит за рулем. Кто-то, от кого можно потребовать – скорее всего, тщетно, но все же! – чтобы ее выпустили. Кто-то, на кого можно накричать и излить свою злость.

Кристина выбралась из глубины мягкого черного кресла с твердым намерением устроить скандал. Практического толку, конечно, не будет, но хоть морально ей полегчает. Но, не успев сделать и шага, она остановилась, потому что не узнала место, в котором оказалась. Вокруг царил густая темнота, но при этом каким-то непостижимым образом Кристина могла в ней видеть. Вот только видела она не роскошный интерьер автобуса Джордана, а огромный высокий купол – будто в планетарии, знания о котором у Кристины оставались чисто теоретическими; разумеется, в Верходновске планетария не было. Купол состоял из сотен кусков черного, будто тонированного стекла – этакий огромный витраж или мозаика. Вместо звезд в куполе горели отражения. Сотни отражений Кристины.

Девушка повернулась, оглядывая невероятную картину, и едва не упала, потеряв равновесие; от множества движущихся вокруг отражений голова мгновенно шла кругом. Кристина предприняла еще одну попытку сделать шаг – надо же найти выход из этого странного места, чем бы оно ни было! – и с трудом устояла на ногах. Расставив руки в стороны для равновесия, она сделала еще один шаг и снова с трудом справилась с приступом головокружения.

«Да что это такое? – рассердилась Кристина на себя. – Это же просто оптическая иллюзия! Верх на месте, низ на месте, значит, я прекрасно могу идти!»

В подкрепление своих мыслей она опустила взгляд под ноги, чтобы лучше ощутить этот низ. Она будет все время смотреть в пол, тогда идти станет легче.

Это оказалось ошибкой – пола под ногами не было. Точнее, он был, но тоже представлял собой все ту же стеклянно-зеркальную мозаику, дробившую Кристину на сотни отражений. Он качался, кружился и грозил уйти из-под ног.

От исчезнувшего ощущения верха и низа накатила дурнота. Даже не пытаясь бороться за следующий шаг, Кристина опустилась на стеклянную поверхность и подтянула к себе колени; лучше так, чем рухнуть всем телом, потеряв равновесие.

В сидячем положении мир вокруг почти перестал качаться, и Кристина попробовала осторожно оглядеться. Где она? Такое просторное помещение не может быть ни в одном из автобусов или трейлеров. Она что, под цирковым куполом? Но это совсем не похоже на шатер!

И тут Кристина заметила еще одну странность этого места. Стоило лишь ненадолго задержав взгляд на одном из отражений, и она понимала, что это вовсе не ее отражение. Точнее – ее, но не отражение. Каждый фрагмент мозаики будто показывал свой отрывок из прошлого Кристины. В каждом из них Кристина видела свое лицо, но в разные моменты своей жизни.

Взгляд почти против воли заскользил по отражениям, хотя внутренний голос настойчиво предостерегал от этого экскурса в прошлое. Но Кристина уже не могла остановиться. Ее окружали сотни мгновений ее жизни, и она смотрела на них, отчаянно ища хотя бы одно, за которое ей сейчас не было бы стыдно или из-за которого она не испытывала бы сожаления. Но нет, сотни фрагментов показывали Кристине ее саму в разные моменты, объединенные одним общим фактором: ей везде было плохо. Вот в этом она недовольна неудачным макияжем. В том – оценкой за контрольную. Тут раздражена резиновой яичницей на завтрак. Вон там поодаль злится на Кириюшу, и не потому, что он что-то сделал, а просто потому, что он есть. Здесь, сбоку, она заткнула уши, чтобы не слышать скандала родителей за стеной. Левее – расстроена мерзким комментарием под своим постом в соцсети. Сзади – злыми словами двух Ольг...

Кристина сжала голову руками, пытаясь спрятаться от обрушившейся на нее лавины воспоминаний. Неужели *такой* была вся ее жизнь? Такой была она сама? Вот к этому хочет вернуться?

Купол начал сжиматься и опускаться, отражения прошлого приближались, обступали со всех сторон. Стремилась задушить.

Кристина зажмурилась, желая укрыться от собственной жизни, которая грозила ее уничтожить. Но даже сквозь закрытые глаза она видела, как купол продолжает стремительно сжиматься, превращаясь в кокон из сотен уменьшающихся отражений, который ее вот-вот окутает.

Вырвавшийся крик страха и отчаяния остался совершенно беззвучным. Кристина снова закричала – и снова не слышала ни звука.

В пронзительной тишине, полной ее немых криков, и в густой темноте, полной отражений ее прошлого, витражный купол лопнул, словно мыльный пузырь, и Кристина вдруг поняла, что смотрит прямо в круглые мозаичные очки, а в них, в каждом кусочке стекла, по-прежнему заключены осколки ее жизни. Они затягивали ее в себя, но вместо того, чтобы порадоваться возвращению в прежнюю жизнь, Кристина преисполнилась невыразимого ужаса. Она снова закричала – и снова не слышала ни звука.

А затем все пропало.

* * *

Графиня направилась было к дверям белого трейлера Сола, но замешкалась; а имеет ли она право и дальше жить в директорском трейлере, не будучи директором? Обернувшись, Графиня стала искать глазами автобус, где жила раньше вместе с воздушными гимнастками, наткнулась взглядом на Ковбоя, стоявшего неподалеку и наблюдавшего за ней с легкой насмешкой в глазах, раздраженно вздохнула, скрестила руки на груди и с вызовом бросила:

– Ну, давай рассказывай! Как, по-твоему, мы можем найти «Обскурион»? И предупреждаю, если ты потребуешь в обмен мое прощение или еще что-то...

– Прощение? А чем я тебя обидел?

– Чем?! Я слышала, как ты просил их не выпускать меня обратно!

– Кого – их? – сдержанно полюбопытствовал Ковбой.

– Я не помню, – неохотно призналась Графиня. – Я вообще мало что помню, меня будто накачали сильнейшим успокоительным, и в голове все путается. Но! – воскликнула она, предвосхищая аргумент Ковбоя. – Но твои слова я помню прекрасно! Ты хотел, чтобы я там осталась! Они отказывались, но ты настаивал! Кто они вообще такие?

– Не имеет значения, – покачал головой Ковбой. – Главное, что ты вернулась и сейчас здесь.

– Но явно не благодаря тебе. Ты хотел запереть меня там навсегда, где бы это там ни было! Чем же я тебя настолько обидела, что ты так сильно возжелал от меня избавиться?

– Я вовсе не хотел от тебя избавиться. Мне просто было нужно на некоторое время... мм... вывести тебя из игры. А ты услышала только пару фраз, и без контекста они и впрямь звучат не лучшим образом.

– Ах, так это я виновата! Если бы я услышала все, то, видимо, оценила бы, почему ты так хотел, чтобы меня там заперли!

– Я вовсе не... – начал было Ковбой, но не договорил.

Графиня его перебила:

– Довольно! Хватит объяснений, тем более таких беспомощных!

– Я еще даже и не начал объяснять, ты пока не дала мне такой возможности, – с легкой улыбкой возразил Ковбой. – Но то, что ты считаешь справедливым обвинять меня, хотя имеешь на руках лишь крохи информации, – это обидно. Особенно потому, что я вовсе не пытался от тебя избавиться, так что в этом моя совесть чиста.

– Не могу даже выразить словами, как я рада, что твоя совесть чиста. И как удивлена, что она вообще у тебя есть, – процедила Графиня. – А теперь – про «Обскурион».

– Нет, подожди. Сначала определись, что ты хочешь, – получить объяснение или продолжать на меня злиться.

– Какая тебе вообще разница, злюсь я или нет?! – воскликнула Графиня. – Какое тебе дело до моих чувств?

– Да потому что ты мне нравишься! – не выдержал Ковбой. – И не делай удивленные глаза, будто это для тебя новость! Ты и раньше это понимала! Просто ты зачем-то тянула отношения с этой своей бесхребетной амебой и притворялась, что ничего не замечаешь!

– Что бы я ни понимала про твои чувства ко мне, это больше не имеет никакого значения, – тихо ответила Графиня. – Не после того, когда я узнала, кто ты на самом деле.

– То есть все дело в том, кто я. Будь я человеком, ты бы отнеслась к моим чувствам иначе, так? – медленно произнес Ковбой, а потом с вызовом спросил: – А кто я? Андроид? Пришелец? Порождение ночных кошмаров? Я такое же живое существо, как и ты!

– Такое же, ну конечно!

– Да, такое же, – с нажимом повторил Ковбой. – У меня все те же пять органов чувств. Я тоже ощущаю тепло и холод, – продолжил он, взял Графиню за руку и провел пальцем по коже, а потом положил ее ладонь себе на грудь. – Я тоже из плоти и крови, и у меня в груди бьется сердце. Я испытываю те же чувства, что и все остальные. Единственная маленькая разница между мной и другими – это то, *как* я появился в этом мире.

– Да уж, маленькая, – буркнула Графиня, вырвала руку и отступила на шаг назад. – Эта и тот незначительный факт, что ты живешь уже сколько? Четыре века? Или больше? – Она прочистила горло и официальным тоном продолжила: – Итак, у тебя есть информация о том, как мы можем найти «Обскурион».

– Есть, – ответил Ковбой, сдавая этот бой, и тоже отступил на шаг. – Каждый цирк оставляет след, и его можно взять.

– Хочешь сказать, нам нужно завести собаку?

– Да. Но не простую собаку, а гончую.

– Гончую? Но разве для этого не подошла бы лучше охотничья собака? Или одна из тех служебно-разыскных овчарок, которые есть у полиции?

– Но это же не обычный след, который можно унюхать обычным носом, – усмехнулся Ковбой. – Нет, нам нужна гончая. Не гончая собака, а Гончая.

– Ты имеешь в виду... – Графиня не договорила и побледнела, а потом бросила тревожный взгляд за спину, словно где-то там, вдалеке, раздался призрачный вой.

– Да, – кивнул Ковбой. – След другого цирка могут взять те самые Гончие.

– Но как заставить их это сделать? Последний раз, когда мы с ними сталкивались, они не походили на хорошо натренированных собачек, готовых реагировать на команду «Сидеть!».

– Для этого нужен Дрессировщик. Он есть в каждом цирке, надо его только разбудить.

– И ты, конечно же, знаешь, как это сделать, – недовольно вздохнула Графиня.

– Конечно, – улыбнулся Ковбой.

* * *

Ввалившись в свой трейлер, Мануэль раздраженно плюхнулся на кровать и тут же наткнулся на насмешливый взгляд Дэнни.

– Чего уставился? – буркнул он.

– Да вот, смотрю на шпиона «Обскуриона» и гадаю, почему ты все еще с нами, ведь всю важную информацию ты должен был уже передать при личной встрече, на которой так настаивал. Почему Джордан не забрал тебя с собой?

– Нечего на меня все стрелки переводить! – ошетинился воздушный гимнаст. – Если кто тут и шпион «Обскуриона», так это ты; обстоятельства твоего появления у нас крайне подозрительные!

Дэнни улыбнулся так ласково, что это заставило воздушного гимнаста заскрежетать зубами от злости.

– Можешь играть перед ними, – кивнул он на соседей по трейлеру, – но передо мной строить из себя святую невинность бессмысленно. Я слышал твой разговор с Джорданом по телефону. Прямо здесь, после того как ты так тщательно прятал в мусорке свой одеколон.

– Да перед кем мне тут играть? – презрительно фыркнул Мануэль, скреживая руки на груди в неосознанном жесте защиты. – Перед этими, что ли? – тоже кивнул он на соседей. – Фамильяр, шпион Наблюдателей и потомок инквизиторов. Не трейлер циркачей, а сборище предателей и чужаков, честное слово!

– Как мило, что ты причисляешь себя к предателям, – со сладкой улыбкой заметил Дэнни, а потом оглядел трейлер и посерьезнел. – А кстати, где он?

– Кто? – спросил до сего момента молча наблюдавший за перепалкой Вит.

– Фьор.

Вит пожал плечами. Ковбой и вовсе неотреагировал, он просто продолжал небрежно жевать соломинку, уставившись в окно, и выглядел возмутительно невозмутимым.

– Испугался разоблачения и сбежал, – сделал вывод Мануэль. – А ты? – Он ткнул пальцем в Вита. – Кто такие эти Наблюдатели?

– Ты всерьез ждешь от меня признания? – спросил тот. – И потом, разве мы не решили отложить разборки до того момента, как вернем Крис и Апи?

– Лично я ничего не решил! А то, что решила Графиня, это ее личное дело, она мне не начальница.

– Перехватываешь инициативу? – лениво поинтересовался Ковбой. – Тактика «хочешь избежать обвинения – обвиняй первым» в действии!

– Только перед фамильяром я еще не объяснялся! – презрительно бросил Мануэль.

Казалось, Ковбой продолжал все так же расслабленно сидеть на своей койке, но в следующий миг он каким-то непостижимым образом оказался возле воздушного гимнаста и, приблизив к нему лицо почти вплотную, процедил:

– Вот именно. А был бы опыт общения с фамильярами, пять раз подумал бы, прежде чем решаться его злить.

В глазах Ковбоя что-то вспыхнуло, что-то очень глубоко спрятанное и опасное. Что-то такое, что увидел только Мануэль и от чего по его телу прошла видимая волна дрожи.

Ковбой как ни в чем не бывало вернулся на свою койку. Мануэль с усилием сглотнул и бросил быстрый взгляд на свидетелей своего позора. Дэнни откровенно скалился, а Вит настороженно следил за Ковбоем, словно ждал от него следующего хода.

– Расслабься, – бросил Виту тот, не отрывая взгляда от окна. – Не собираюсь я тебя ни о чем расспрашивать. По тебе и так видно, что ты просто пешка и ничего не знаешь о своих нанимателях. – Ковбой перевел взгляд на собеседника и слегка улыбнулся. – Ну и Графиня просила отложить разборки на потом. Может, для кого-то она, конечно, и не начальница, но в отсутствие настоящего директора я предпочитаю слушать того, кто был им раньше. Во избежание хаоса.

Вит едва заметно выдохнул, и в его позе исчезло напряжение.

Мотор глухо заурчал, трейлер мягко покачнулся и поехал.

– Эй, погодите! А Фьор?! – воскликнул Вит, а затем огляделся и добавил: – А куда делся Дэнни? Он же только что был здесь!

Все как один уставились на кровать шута.

Та пустовала.

Глава 3

Автобус подбросило на какой-то кочке, и Кристина проснулась. Или, вернее сказать, пришла в себя.

Огляделась. Вокруг царила полутьма, в которой она легко разглядела уже знакомую обстановку автобуса Джордана.

Уф, так это было не по-настоящему?

От облегчения снова закружилась голова. Кристина обмякла в глубоком кресле и позволила себе насладиться этим приятным ощущением, когда понимаешь, что пережитый ужас всего лишь сон.

Правда, если подумать, сон был уж слишком необычным и куда больше походил то ли на видение, то ли на какой-то очередной мистический сверхъестественный опыт, но об этом Кристина думать не собиралась. Во всяком случае, прямо сейчас. Сейчас надо было что-то предпринимать. Слишком часто в своей прошлой жизни, сталкиваясь с ситуациями, которые ей не нравились, Кристина просто ждала.

На этот раз она ждать не собиралась.

Автобус мерно покачивался. Прямо как в начале того сна... Брр! Кристина отбросила неприятные ощущения и так же решительно откинула закравшееся сомнение по поводу того, что происходящее сейчас тоже может оказаться очередным сном, и она – в ловушке.

Итак, автобус ехал. Значит, кто-то сидит за рулем. Кто-то, у кого можно попробовать получить ответы на самые простые вопросы. Или на ком можно сорвать злость.

Кристина поднялась, повернулась к креслу водителя и сразу поняла, что ее незатейливый план невозможно привести в исполнение: кабина была отгорожена от салона плотной перегородкой, а под потолком мигала камера, через которую за ней сейчас наверняка наблюдали.

Понимая всю бессмысленность своих действий, Кристина все равно подошла к кабине и побарабанила по перегородке, но вяло, без энтузиазма, делая это скорее для проформы, чем из искреннего желания, ведь выражение недовольства при отсутствии возможности видеть оппонента приносит куда меньше морального удовлетворения.

Раздосадованная неудачей в даже столь мелком начинании, Кристина вернулась в салон, плюхнулась в кресло и принялась гадать, долго ли ее тут будут еще держать, что дальше планирует с ней делать Джордан, собираются ли ее вообще кормить и когда, что с Апи и попытается ли «Колизион» выволить своего горе-директора.

«Вряд ли, – мрачно ответила Кристина сама себе на последнее предположение. – У них есть афиша, и они должны ехать в тот город, чтобы дать представление. Ко мне, как к директору, они и привыкнуть не успели, с чего им рваться меня спасать? Да даже если бы и захотели, как они станут искать «Обскурион?» И вообще, какие поиски? Что делает цирк, когда теряет одного директора? Правильно, выбирает нового! Правда, принтера больше нет, но, наверное, найдется другой способ...»

Тут Кристина совсем приуныла, представив себе, как «Колизион» обзаводится новым директором и спокойно продолжает свою привычную жизнь, но уже без нее, ничуть не пострадав от ее отсутствия.

На глазах сами собой навернулись слезы. Какая ирония! Кристина так долго подозревала, что цирк выбрал директором именно ее, и так долго убегала от этой ответственности! А теперь, не успев даже толком ее на себя принять, уже потеряла – и жалеет об этом.

Прямо как с ее прошлой жизнью; история повторяется!

«А ведь у меня были такие планы! – разразилась Кристина мысленной речью, чувствуя, как ее захлестывает обида. – Я бы изменила наше бессмысленное унылое существование от афиши к афише! Может, если бы у меня все получилось с другими цирками, то вообще освободила бы всех и навсегда захлопнула бы дверь в наш мир для новых фамильяров! Но раз я больше цирку не нужна – пожалуйста, продолжайте бесцельно колесить по дорогам!»

Воображаемые собеседники – хотя, мысленно произнося свою пламенную речь, Кристина никого конкретного себе не представляла – не ответили.

Зато даже сквозь одежду Кристина почувствовала, как кожу обожгло от того, что медальон в кармане нагрелся. Достав амулет, она некоторое время задумчиво на него смотрела, а потом ее лицо просветлело. Вряд ли «Колизион» сумеет выбрать нового директора, если у него больше нет амулета-основателя.

Вслед за мгновенным облегчением накатила волна неподдельной паники. А как же «Колизион» без своего амулета? У цирка теперь нет никакой защиты перед фамильярами! Заходи кто хочешь, делай что хочешь! А энергия, которую они получают от зрителей с помощью своих выступлений и которой «заряжают» цирк на дальнейшее существование? Удастся ли ее собирать и удерживать без амулета?

От волнения Кристина больше не могла сидеть на месте и принялась мерить шагами салон автобуса. Надо срочно вернуться в «Колизион»! Без амулета он пропадет!

Впрочем, от того, что теперь она хотела вернуться уже не только ради самой себя, но и ради цирка, факты не менялись: она по-прежнему пленница.

Взгляд Кристины упал на золотой медальон. Тот по-прежнему оставался горячим, а камень, который держала в руках выгравированная на нем женщина, казалось, слабо мерцал. Это знак? Или – а скорее всего, именно так и есть – просто игра света и собственного воображения?

– От тебя было бы намного больше проку, если бы я знала, как тобой пользоваться, – тихо вздохнула Кристина. – Ну или хотя бы как использовать свои силы; они же, по идее, должны у меня быть, правильно?

Медальон, разумеется, не спешил выдать ей многостраничное руководство по своей эксплуатации, и Кристина с досадой покачала головой; когда ночью цыганская кибитка открывала ей все секреты цирка, она почему-то и не подумала добавить отдельную главу про то, как обращаться с амулетом или со своими способностями. Видимо, создательницам цирков и в голову

не могло прийти, что когда-то все станет настолько запущенно и потомки великих ведьм и колдуний полностью забудут, кто они такие и на что способны.

– Ну, раз делать все равно нечего, может, поэкспериментируем? – предложила Кристина амулету, словно тот стал ее полноценным собеседником. – Метод проб и ошибок еще никогда не подводил человечество! – бодрым тоном добавила она и тут же поправилась: – Ну если не считать ядерные аварии... или биологическое оружие, вышедшее из-под контроля... Или... Неважно! Готов?

Амулет, разумеется, категорически отказался участвовать в этом странном, немного сумасшедшем диалоге. Более того, если до этого он на ощупь был горячим, то сейчас стал просто теплым.

Кристина сжала медальон в руке и пафосно воскликнула:

– Огонь!

Пламя и не подумало появляться.

– Тогда воду! – потребовала Кристина.

Вселенский потоп тоже не разразился.

– Тогда мне какой-нибудь тяжелый топор, чтобы я могла разбить окно и выпрыгнуть! Что, тоже нет? Ну а что же ты тогда... я тогда умею? Лети! – приказала Кристина лежавшей на столе салфетке.

Но та и не подумала левитировать.

Кристина перебрала все виды магических действий, которые когда-либо видела в фильмах или о которых читала в книгах, от вызова дракона до превращения кресла в жабу, и потерпела фиаско в попытке успешно повторить хоть одно из них.

Временно сдавшись, Кристина плюхнулась в кресло и, уставившись на медальон, который теперь, после всех усилий, стал совершенно холодным, с досадой проворчала:

– Ну и какой мне от тебя толк? Подсказал бы хоть что-нибудь, честное слово!

Амулет вновь остался равнодушен к призывам, и Кристина раздраженно вздохнула. Да уж, хороша наследница могущественной ведьмы! Да еще с мощным волшебным амулетом в руках! Разбегайтесь и трепещите!

Камень в медальоне сверкнул, отразив свет, и Кристине показалось, что фигура женщины движется. Она поднесла амулет поближе к лицу – увидела, как прямо у нее на глазах волосы женщины начали развеиваться на ветру, а подол платья заколыхался. А затем на крошечном лице вспыхнули глаза. Она уже видела эти глаза и эту пугающую красную улыбку. Вскоре после появления в «Колизионе», в старинном зеркале в цыганской кибитке. Пронзительный взгляд нашел глаза Кристины, и девушку будто что-то ударило. Это «что-то» прошло ее насквозь, заставило содрогнуться всем телом и зажмуриться от боли.

А когда она открыла глаза, она больше не была в черном автобусе «Обскуриона». Кристина стояла в каменном подземелье с низким потолком. В центре, в лучших традициях современного киношного представления о средневековом колдовстве, над ярко полыхающим костром висел котел, из которого в воздух поднимались густые клубы дыма. Пол испещрен непонятными знаками и рунами, в углублениях толстых стен – редкие чадающие факелы. Широкое огненное кольцо опоясывало и костер, и надписи на полу.

Возле котла спиной к Кристине стояла женщина в темном балахоне, с распущенными белыми волосами. Ее лица было не видно, но Кристине этого и не требовалось, она и так знала, кого видит перед собой. Христиану. Ее давнюю прародительницу, с которой все и началось. Жаль только, что в хаосе полученных от цирка сведений не было подробностей того, что именно она сделала и почему.

Христиана начитывала непонятные слова в рваном, но завораживающем ритме, и те набирали силу, звучали все громче и громче, пока не начали отскакивать от стен, словно снаряды. А когда напряжение достигло пика, женщина резким движением опрокинула котел.

Содержимое пролилось на пол с ужасным шипением, которое издает огненная лава, стекая в ледяное горное озеро. Клубы пара мгновенно заполнили все пространство, и некоторое время Кристина ничего не видела. Но постепенно плотная завеса начала рассеиваться. Сначала сквозь нее проступил силуэт женщины в балахоне. А затем, когда дым рассеялся еще больше, Кристина увидела еще одного человека. Мужчину. Полностью обнаженный, он стоял неподвижно, будто скульптура. Женщина подошла к нему и провела рукой перед его глазами. Тот вздрогнул, моргнул, будто просыпаясь, опустил взгляд на свое тело, а потом перевел его на стоявшую перед ним женщину.

– У меня получилось, – прошептала она.

Взгляд мужчины скользил по стенам подземелья – и остановился прямо на Кристине. Та невольно попятилась.

– Что? – нахмурилась женщина и проследила за направлением взгляда мужчины.

Затем ее глаза расширились, она тоже увидела непрошеную зрительницу.

Кристина сделала еще один шаг. Мозг лихорадочно работал. Что происходит? Это же всего лишь видения прошлого, вроде тех, которые она делила с Фьором! А раз это не настоящему, то действующие герои видений не могут ее видеть. Не должны!

Христиана медленно пошла навстречу Кристине. Та не на шутку запаниковала. Что ей делать? Бежать? Поздороваться? Попробовать поговорить, задать вопросы?

– Я... – начала она и не смогла закончить фразу, ей вдруг перестало хватать воздуха, потому что горло пережал чокер на шее.

Христиана склонила голову, внимательно рассматривая Кристину, и ее длинные волосы белым водопадом упали вдоль тела. Парализованная страхом, Кристина могла только стоять, с трудом делая каждый вдох и ждать. И смотреть на Христиану словно загипнотизированная. Как же удивительно похожи их лица! Нет, далеко не как две капли воды, и все же сходство было ярким и очевидным. Поразительно, что оно могло сохраниться и передаться через столько веков!

– Нет, – наконец тихо сказала Христиана и покачала головой. – Нет, – повторила она и взмахнула рукой. – Сгинь!

Легкая ткань широкого рукава балахона взметнулась перед лицом Кристины, и та мгновенно потеряла ощущение пространства. Все закрутилось перед глазами, а когда мир снова встал на свои места, Кристина вновь очутилась в черном трейлере «Обскуриона».

Сделав по инерции пару шагов назад, Кристина наткнулась на диван, колени подогнулись, и она плюхнулась на мягкие подушки. Одежда взмокла, безумно колотящееся сердце медленно и неохотно замедляло свой бег. Руки ослабли и дрожали, но Кристина автоматически сжала в кулаке амулет. Тот был холодным. Что это сейчас, черт возьми, было?

Дрожащей рукой Кристина убрала медальон поглубже в карман, а затем откинула с мокрого лба прилипшие пряди волос. По-прежнему пепельно-белых волос, с так и не отросшими темными корнями; выбранный ею некогда цвет словно стал настоящим. И конечно же, Кристина не могла не отметить, что он очень похож на цвет волос Христианы...

Шум, донесшийся снаружи, заставил девушку вернуться мыслями в настоящее, в здесь и сейчас. Она поняла, что автобус больше не едет, и только сейчас заметила, что на столике стоит поднос с едой под крышками. Более того, дверь автобуса была приоткрыта, словно приглашая выйти наружу. Или сбежать.

Кристина осторожно выглянула наружу. Оказалось, уже наступил вечер, и Кристине хотелось надеяться, что это вечер все того же дня и она не пропустила несколько суток, бултыхаясь в странном бреду с сотнями своих отражений – или в еще более странном видении с Христианой и неизвестным мужчиной в клубах пара. «Обскурион» встал на ночной привал. Воздух на улице полнился ароматами съестного; похоже, скоро будет ужин.

Что ж, раз уж эти растяпы оставили дверь автобуса открытой, Кристина этим непременно воспользуется; пока циркачи заняты едой, она тихонько улизнет под покровом сумерек.

А что потом? Об этом Кристина старалась не думать. Для начала надо выполнить первый пункт: сбежать из «Обскуриона». Вот когда ей это удастся, тогда она подумает о том, как найти «Колизион» и как до него добраться.

Время – коварная вещь, оно может стать твоим соратником, но нередко становится худшим врагом. Чем дольше Кристина ждала, пока все вокруг разойдутся, тем больше ее одолевали сомнения. Хорошо, убежит она сейчас, и что? Как она станет искать свой цирк? И даже если вдруг каким-то чудом узнает, где он, как будет до него добираться? За пределами действия цирковых амулетов она невидима для всех, никакая попутка не остановится. Да и нет их, попутков, на тех пустынных, безлюдных трассах, по которым колесят цирки; не факт, что они вообще находятся в ее родном мире. Ну и наконец – а как же Апи? Неужели она сбежит и оставит его здесь?

Осенний холод протягивал свои липкие щупальца, трогал влажную от пота одежду, и Кристину пробрала дрожь. Да, еще не зима, но все равно она скорее замерзнет насмерть, чем доберется до «Колизиона»!

Прошло еще немного времени, и двигатели всех машин, грузовиков и автобусов заглохли, циркачи собрались около стоявших поодаль фудтраков, и возле автобуса никого не осталось.

Вот он, шанс! Хватай его и беги! Но Кристина больше не была уверена в том, что нужно бежать. То есть бежать, конечно, нужно, но, наверное, не здесь и не сейчас, прежде следует подготовиться получше. И, конечно, найти Апи.

Раздираемая противоречивыми чувствами, Кристина неохотно вернулась в салон автобуса – и вздрогнула от страха и неожиданности, когда увидела, что в кресле ее поджидает Джордан.

* * *

Для такой старой, даже древней, машины, какой он являлся, ретроавтомобиль ехал по дороге удивительно мягко и бесшумно, словно на нем стояла и новенькая подвеска, и качественный глушитель.

Фьор держал непривычно большой и тонкий руль и жал себе на педаль газа, стараясь как можно дальше уехать от «Колизиона». Он не собирался ждать, пока они дадут представление и решат, как им искать черный цирк. С учетом того, какой раскол наметился в коллективе из-за обвинений Ронды, отсутствия директора и уже начавшегося упоенного выяснения отношений всех со всеми, пройдут дни, прежде чем они решат действовать.

Фьор же ждать дни не намеревался. Он понятия не имел, зачем Джордану Крис, но не сомневался, что ничего хорошего ее в «Обскурионе» не ждет; когда другая сторона решается на столь радикальные шаги, чтобы заполучить человека, вряд ли она делает это для того, чтобы угостить его тортиком. Значит, времени у Крис в обрез, и каждая лишняя минута увеличивает вероятность того, что она пострадает. А Фьор этого допустить никак не мог!

Почему он не мог ждать? Об этом Фьор не думал. С одной стороны, ответ казался очевидным: Крис ему очень небезразлична. Столь сильные переживания от того, что кто-то попал в беду, обычно возникают только по отношению к тем людям, к которым ты глубоко привязан. Фьору эти ощущения были хорошо знакомы. Слишком хорошо. Он уже испытал на себе весь их спектр в прошлой жизни, когда еще не был Фьором, и у него была Ира.

С другой стороны, фаерщик так до сих пор и не разобрался, *его* ли это чувства к Крис или же чужие воспоминания, которые всколыхнули видения прошлого. Там, в них, Фьор порой переставал разделять себя и священника, чьими глазами смотрела на мир; чувства последнего

ощущались как собственные, и даже по возвращении в реальность он помнил их слишком живо и не мог с уверенностью сказать, где кончаются чужие и начинаются свои... Впрочем, для того, чтобы разобраться в мешанине воспоминаний, эмоций и чувств, еще будет время – во всяком случае, Фьор очень на это надеялся, – и наступит оно, когда Крис благополучно вернется в «Колизион».

Ускользнуть незамеченным от взбудораженной толпы оказалось до смешного легко. Угнать ретроавтомобиль – тоже. И если Фьора и кольнул укор совести, что он забирает у цирка транспортное средство, на котором обычно в город заранее привозили афиши, то лишь самую малость. В «Колизионе» хватает машин; воспользуются какой-то другой.

Самым трудным оказалось решить, куда ехать. У Фьора не было ни малейшего представления, с чего начинать поиски «Обскуриона». Если его, так же как и «Колизион», ведут афиши, он может сейчас находиться где угодно!

И потому Фьор сделал единственное, что пришло ему в голову, – поехал в том же направлении, в котором исчезла Ронда, увозя Апи с Кристиной. Не бог весть какой план, но надо же с чего-то начинать!

В глубине души Фьор рассчитывал, что нагонит «Обскурион»; как бы тот ни был хорошо организован, все равно это целая колонна автобусов и машин, а он на своем автомобиле наверняка едет куда быстрее их. Значит, должен догнать!

Мысль о том, что ничего не получится, Фьор старательно гнал прочь, потому что, если этот незатейливый план провалится, придется обращаться к плану Б, а тот никуда не годится. Это вообще был не план, а сущая безрассудная авантюра: нащупать ту странную ниточку связи, которая соединяла его давнего предка-священника с прародительницей Крис, и с ее помощью дотянуться до Крис здесь. Это должно сработать, не так ли? Ведь услышал же он тогда тот странный зов, который буквально привел его к школе Крис в ее родном городе! Значит, связь есть!

Фьор вдавливал педаль газа до упора, стараясь не думать о том, не мучают ли уже Крис в «Обскурионе», и отстраненно радуясь тому, что не нужно беспокоиться о превышении скорости и риске быть пойманным патрульно-постовой службой. Он не сводил глаз с пустынной дороги, надеясь – отчаянно, всем сердцем, словно от интенсивности желания зависел реальный исход дела, – что впереди вот-вот покажется хвост колонны «Обскуриона», и всматривался в даль так напряженно, что у него заболели глаза.

Именно потому, что все внимание фаерщика было сосредоточено на дороге и на своих мыслях, он был полностью захвачен врасплох, когда на одном особенно лихом повороте с заднего сиденья раздалось громкое «Ох!», а потом кто-то возмущенно воскликнул:

– Эй ты! Полегче!

* * *

Директор «Обскуриона» выглядел до невозможности довольным.

– Что ж, очень рад видеть, что ты сама пришла к нужным выводам, – сказал он.

Кристина сжала кулаки. Так это они специально оставили дверь открытой? Подразнили надеждой и тут же ее отняли? Или надеялись, что она попробует сбежать, а они устроят за ней погоню, – может, такие у них здесь развлечения?

И в конце концов, как Джордан оказался внутри, если вход в автобус всего один и все это время она стояла в дверях?

– К каким же? – огрызнулась Кристина.

– Бежать тебе некуда. Ты без понятия, где сейчас «Колизион» и как его искать. Но даже если бы и знала, добраться тебе до него не на чем. Лучшее, чего ты добьешься, – это умрешь где-нибудь возле трассы от холода, голода и усталости.

На этом Джордан, видимо, решил, что все сказал, и вышел из салона автобуса. Дверь осталась открытой, и Кристина вышла за ним вслед.

– И в чем подвох? – спросила она.

– Ты про что?

Кристина кивнула на открытую дверь автобуса.

– А ты предпочла бы, чтобы тебя заперли? – невозмутимо поинтересовался Джордан.

– Нет, конечно! – возмутилась Кристина нелепому вопросу. – Но...

– Но разве пленников не держат на цепи и под замком? – закончил за нее директор «Обскуриона». – Ну, во-первых, ты не пленница. Ты гостья. Которая, если передумает и решит примкнуть ко мне добровольно, может стать моей соратницей. Во-вторых, зачем запирают тебя в клетке, когда ты и так знаешь, что тебе некуда бежать? Эти невидимые цепи удержат тебя не хуже обычных, зато их куда удобнее носить, чем железные. И ты это уже хорошо знаешь, не правда ли? – усмехнулся он.

Кристина так и вскипела от ненависти! И из-за мерзкой усмешки Джордана и особенно из-за того, что он так точно попал по больному с невидимыми цепями. Она действительно слишком хорошо знала, каково это – их носить. Кристина вообще была экспертом по части невидимых цепей, ведь, если подумать, в жизни до «Колизиона» она носила их сразу несколько штук. Одни цепи держали ее в родном городе, другие – в состоянии вечного конфликта в семье, третьи заставляли терпеть травлю в школе... Ненавистные невидимые цепи, которые и впрямь сковывали куда надежнее железных!

Мозаичные очки уставились на Кристину, и, едва она посмотрела на десятки маленьких отражений себя, как вздрогнула и тут же отвела взгляд, мигом вспомнив пережитый недавно и так испугавший ее то ли сон, то ли бред с зеркальным куполом.

Удовлетворенный увиденным, Джордан ушел, а Кристина осталась стоять возле автобуса, оглядываясь вокруг. Циркачи как ни в чем не бывало занимались своими привычными делами. Если не считать того, что подавляющее большинство из них были одеты в черное, они вовсе не выглядели злодеями. Возможно, они и знать не знали про грандиозные замыслы Джордана о порабощении фамильяров и создании нового мироустройства. Если ты вынужден жить и работать под руководством злодея, это не делает тебя тоже злодеем, не так ли?

Кристина нервно усмехнулась, поняв, что пытается таким образом себя успокоить. Она надеялась найти здесь сообщников, которые помогут ей сбежать и вернуться в «Колизион», и для этого ей нужно было верить, что не все здесь – злодеи, на которых пробы ставить некуда. И, конечно же, они не все злодеи! Взять того же Дэнни. Приятный парень! А Мануэль вообще жертва Джордана!

Но как насчет других? Тех, кто во время совместного выступления без колебаний перерезал тросы воздушных гимнастов «Колизиона» или обрушил огонь на арену, где метался в личине ягуара Те? Они же понимали, что это не шутки, тут и погибнуть можно! Но... наверное, они делали это не по своему желанию, а выполняли приказ Джордана. У них не было выбора; если бы они отказались или пошли ему наперекор, то закончили бы, как Мануэль, – были бы безжалостно выброшены за пределы цирка. Можно ли винить людей, находящихся в безвыходной ситуации, за то, что они вынуждены выполнять ужасные приказы? Или вся вина лежит на том, кто эти приказы отдает?

Кристина встряхнула головой. Сейчас один из самых неподходящих моментов для подобных философских рассуждений! Нечего гадать, кто здесь злодей, а кто нет. Не знаешь наверняка, кого попросить о помощи? Значит, полагайся только на себя!

А для начала надо узнать, где Апи и что с ним.

– Эй! – крикнула она в спину Джордану. Тот и не подумал останавливаться или оборачиваться, и Кристина сама его нагнала. – А где Апи?

Мозаичные очки повернулись к Кристине, и она снова невольно отвела взгляд.

- Здесь. Где же еще ему быть?
- Зачем он вам? Со мной все понятно, у меня амулет, и моя ценность в нем. А он?
- А Апи ценен тем, кто он есть, – загадочно ответил Джордан.
- Ассистент канатоходца? – удивилась Кристина.
- Ты не знаешь, да? – усмехнулся директор «Обскуриона».
- Чего я не знаю? – занервничала Кристина.
- Ничего, – ответил Джордан. – Ничего ты не знаешь.

* * *

Дверь цыганской кибитки распахнулась, и стоявшая неподалеку Графиня вздрогнула.

– Ну что? – спросила она спустившегося по ступеням Ковбой.

– Порядок, – заверил он и поднял руку, в которой держал хлыст.

– Откуда ты знаешь, что именно с его помощью можно найти Дрессировщика? – подозрительно осведомилась Графиня.

– Я уже очень давно путешествую с цирками, – напомнил Ковбой. – Я знаю много того, что сами циркачи давно забыли.

– И тебе никогда не приходило в голову поделиться этими ценными сведениями? – сухо спросила Графиня.

– Зачем? – Ковбой беззаботно выплюнул соломинку. – Все идет так, как должно: что-то теряется, что-то забывается, и не мне вмешиваться в естественный ход вещей, это не моя миссия.

– И какая же у тебя миссия? – прищурилась Графиня.

– Неужели ты все-таки решила меня выслушать и узнать мою историю? – насмешливо спросил Ковбой. – А не боишься, что это притупит праведный гнев, которым ты ко мне пылаешь? Ненавидеть куда проще, чем понимать. И уж тем более любить.

– Знаешь что? Иди к черту, – рассердилась Графиня. – Любить, вы подумайте! – фыркнула она себе под нос. – Давай рассказывай, как эта штуковина отыщет нам Дрессировщика. И только не говори, что нам нужно бить ею людей, чтобы понять, кто из них подходит.

– Нет, бить не надо. Хотя кое-кому это не помешало бы. – Глаза Ковбоя весело блеснули. – Хлыст работает примерно так же, как любой артефакт кибитки, когда новый член цирка заходит туда, чтобы получить свой дар. Когда его возьмет в руки Дрессировщик, хлыст отреагирует.

– А что, если в «Колизионе» нет Дрессировщика?

– Дрессировщик – это не призвание. Цирк просто выберет одного из нас и сделает его Дрессировщиком.

Графиня глубоко вздохнула и нервно потерла ладони. А потом протянула руку.

– Давай!

Ковбой поднял бровь.

– А ты готова к тому, *что* будет, если цирк изберет тебя на эту должность?

Графиня едва заметно вздрогнула и решительно кивнула:

– Да.

Ковбой подошел, на короткий миг замешкался, словно решал, стоит ли отдавать хлыст именно ей, но затем все же выпустил его из рук.

Графиня застыла, напряженно стиснув рукоятку, потом несколько расслабилась, повертела хлыст в руках, оглядывая его со всех сторон, вздохнула – то ли с разочарованием, то ли с облегчением, – и признала очевидное:

– Похоже, не быть мне Дрессировщиком.

Ковбой молча кивнул.

– Ладно, придется искать дальше. – Графиня засунула хлыст под мышку и повернулась, чтобы уйти, но, сделав пару шагов, остановилась и оглянулась на Ковбоя. Тот стоял со скрещенными на груди руками и смотрел ей вслед.

– Почему ты нам помогаешь? – спросила она.

– А почему бы нет? – чуть пожал плечами он.

– Но ты же фамилляр! – воскликнула Графиня.

– И что? Это и мой цирк тоже.

– Твой цирк... Я тебя умоляю! Мы оказываемся тут, потому что вы вытесняете нас из наших жизней. Я думала, цель как раз в том, чтобы наша жизнь досталась вам. Чтобы вы ее жили, пока мы торчим в этих цирках. А ты? Почему ты вообще здесь?

– Что, все-таки готова выслушать мою историю? – насмешливо спросил Ковбой.

Графиня окинула его задумчивым взглядом, а потом покачала головой:

– Пожалуй, еще нет.

– Что ж, когда будешь готова, дай мне знать.

Глава 4

Пристина неприкаянно слонялась по стоянке «Обскуриона». Циркачи отдыхали, занимались своими делами и, казалось, не обращали на нее внимания. Это ее вполне устраивало; последнее, чего сейчас хотелось, – это вести легкие разговоры ни о чем, притворяясь, будто все в порядке. Хуже ничего не значащих разговоров могли быть только разговоры, значащие слишком много. Например, о том, почему она тут оказалась и что Джордан планирует с ней сделать.

Апи Кристина так нигде и не заметила. Зато, незаметно дойдя до последнего трейлера черного автокаравана и взглянув на пустую дорогу, уходящую в темноту, она вдруг почувствовала где-то там, вдали, «Колизион». И не просто почувствовала: он тянул ее к себе, словно магнит – кусочек металла. Казалось, если она пойдет, ориентируясь на это странное, необычное ощущение, то обязательно придет к цирку. В ней словно появился внутренний компас, показывающий на север, и севером был «Колизион».

Кристина в замешательстве замерла. Что это? Ее воображение, выдающее желаемое за действительное? Или же у нее внутри и впрямь появился этаким радар, настроенный на «Колизион», потому что она теперь – его директор? И если так, то неужели все так просто? Нужно лишь позволить цирку самому ее вести и она придет куда надо?

Правда, это внутреннее чувство не давало ей никакой информации о расстоянии. Возможно, «Колизион» всего в десяти километрах отсюда, но, возможно, и в ста. Пешком не дойдешь, даже если знаешь, куда именно идти. Впрочем, ночью можно было бы попробовать угнать автомобиль...

Воодушевленная тем, что у нее появляется нечто, похожее на реальный план, Кристина повернулась обратно к «Обскуриону». Нужно найти Апи и бежать отсюда, пока Джордан не придумал, как забрать у нее амулет.

Пользуясь тем, что циркачи ужинали возле фудтраков, Кристина стала бесцеремонно заглядывать во все трейлеры и автобусы подряд, пока наконец не нашла Апи в одном из них.

Обезьяныш лежал в кровати под одеялом и был настолько бледным, что казался почти прозрачным.

– Ты заболел? – испугалась Кристина и положила мальчишке руку на лоб, ожидая, что тот будет огненным. Но лоб оказался неестественно ледяным. – Простыл? Что болит?

Апи только покачал головой. Кристина вздохнула; вот и понимай этот ответ как хочешь! – Это Джордан? Он что-то с тобой сделал?

И снова Апи только слабо покачал головой, а затем с видимым усилием вытащил руку из-под одеяла и, кажется, хотел стиснуть ладонь Кристины, но вместо этого у него вышло едва ощутимое пожатие.

– Все будет хорошо, – торопливо зашептала Кристина, не понимая толком, кого пытается убедить и успокоить, себя или Апи. – Нужно найти лекарство, и...

– Не надо, – едва слышно прошелестел обезьяныш.

– Как это не надо? Тебе плохо! Тебя нужно вылечить! А потом... – Кристина оглянулась, чтобы убедиться, что в салоне автобуса никого нет, и продолжила: – А потом мы сбежим. У меня есть план. Все получится, вот увидишь! Но сейчас самое главное – вылечить тебя. Ты лежи, а я пойду поищу какие-нибудь таблетки... или, может, у них тут есть врач...

Апи опять покачал головой.

– Что такое? Не хочешь, чтобы я уходила? Но я быстренько, туда и обратно! Я очень скоро вернусь.

– Не надо лекарств, – слабо выдохнул Апи. – Я просто хочу домой.

– Домой? – повторила Кристина, и сердце болезненно сжалось.

Домой... Она тоже хотела бы домой! Да только нет у нее больше дома. И ни у кого из них нет. Теперь дом им заменяет «Колизион».

– Домой, – повторил Апи и закрыл глаза.

Казалось, этот короткий диалог забрал у него остатки сил, и обезьяныш стал еще бледнее. Но эта бледность была какой-то особенной, не похожей на обычную болезненную бледность. Апи словно терял краски – будто яркий рисунок, который начал выцветать от долгого висения на солнце. Казалось, оставь все, как есть, и через некоторое время он окончательно выцветет и исчезнет.

Кристина в отчаянии стиснула руки. Что же делать? Логика подсказывала, что не стоит прислушиваться к словам ребенка, заявляющего, что ему не нужны лекарства. Из них двоих именно она – взрослая, к тому же еще и директор цирка, в котором живет Апи; значит, она вдвойне за него в ответе.

И все же какая-то необъяснимая часть внутри нее соглашалась с тем, что происходящее с Апи – это не обычная болезнь, которую можно прогнать таблетками или микстурой, это нечто иное. Из разряда того «иного», к которому относится вся их нынешняя странная цирковая жизнь. А раз так, то и решать проблему надо по-иному.

Знать бы еще как.

Кристина взяла Апи за руку и вздрогнула от того, какой холодной и невесомой она была.

– Ты вернешь меня домой? – вдруг спросил обезьяныш, не открывая глаз.

– Я... – начала было Кристина, но Апи ее перебил.

– Хочу домой, – тихо и очень жалобно сказал он. – В наш цирк.

Кристину затопило чувство облегчения. Так вот про какой дом говорит Апи! Про «Колизион»!

– Обязательно! – твердо пообещала она. – Как только тебе станет немного лучше, мы сразу убежим.

– Пока я здесь, мне не станет лучше, – все так же не открывая глаз, прошелестел Апи, и из-под плотно прикрытых век выкатились две слезинки. Они казались неестественно яркими на фоне почти прозрачных мальчишечьих щек.

Обезьяныш и впрямь исчезал! Его словно постепенно стирало из этой реальности! Но так бывает в кино со спецэффектами, а не в реальной жизни! Хотя можно ли назвать их нынешнюю жизнь реальной?

– Сегодня ночью, – пообещала Кристина. – Мы уйдем отсюда сегодня же ночью. Обещаю.

Апи никак не отреагировал, и от этого стало еще страшнее. И одновременно решимость сбежать – как можно быстрее! сегодня же! – только окрепла.

Да, у Кристины не было идеального плана, она не продумала все шаги и даже в самых общих чертах не набросала запасные варианты, но в жизни бывают такие моменты, когда нужно рисковать и действовать, потому что времени на раздумья и планирование просто нет. И Кристина чувствовала, что сейчас наступил как раз такой момент.

* * *

Фьор и Дэнни долго молчали, но наконец шут пожал плечами, словно ему надоело играть в игру «Кто первым заговорит – тот проиграл», и сказал:

– Надеюсь, у тебя есть план.

– Нет, я поехал наобум, – фыркнул фаерщик.

– Не надо сердиться, – примирительно сказал Дэнни. – Смотри на это с такой точки зрения: да, тебе не удастся стать главным и единственным героем-спасителем, но зато со мной шансы на успех куда выше, ведь я знаю, как все устроено в «Обскурионе».

– Да я не сержусь, – вздохнул Фьор. – Я реально поехал наобум.

– О! – выдал короткое восклицание Дэнни и озадаченно поморгал. – Ты серьезно?

– Предельно, – мрачно ответил фаерщик.

– Э-э-э... И тогда в чем смысл? Или ты не за Крис? Решил свалить из «Колизиона», когда он затрещал по швам?

Фьор покосился на внезапно свалившегося ему на голову спутника:

– Нет, я за Крис.

– Угу. За Крис, но наобум. Без плана. В никуда.

– А у тебя какой был план, когда ты тайком пробрался в машину?

– Мой план был в том, чтобы примкнуть к тебе; мне даже в голову не пришло, что кто-то отправится в спасательную операцию, не имея ни малейшего представления о том, куда ехать.

– Тоже так себе план.

– Да уж получше, чем твой; я-то свой успешно выполнил.

– Поздравляю, это большое достижение, смотри, к какому успеху оно тебя привело.

Снова наступила тишина, нарушаемая только гулом двигателя и шорохом шин по асфальту.

На этот раз первым заговорил Фьор:

– Откуда ты знал, что я за ней поеду?

– У тебя был такой вид... – Дэнни пожал плечами. – Мне сразу стало ясно, что ты не будешь сидеть на месте и ждать, до чего договорятся остальные.

– Мог бы подойти ко мне. Зачем было прятаться?

– Не хотел рисковать. Мало ли, вдруг ты послал бы меня куда подальше? А сейчас, когда мы уже так далеко от «Колизиона», у тебя нет выбора.

– У меня есть выбор посадить тебя на обочине и бросить, – невозмутимо заметил Фьор.

– Выбор-то, может, и есть, но чисто теоретический. Ты меня не высадишь.

Фаерщик покосился на шута и фыркнул.

– А тебе чего на месте не сиделось? – сменил тему он. – Соскучился по своим и захотел повидаться? Или все, тебе у нас надоело, и ты решил вернуться?

– Нет. Я тоже Крис спасать, – спокойно ответил Дэнни.

– Неожиданная лояльность к директору, который не успел побыть директором даже одного дня. И к цирку, в котором пробыл всего без году неделю.

– Ищешь подвох после разоблачений Ронды? – понимающе улыбнулся Дэнни. – Не стоит. Причина куда проще – у меня личная заинтересованность.

– В судьбе «Колизиона»? – уточнил Фьор.

– В Крис, – предельно лаконично ответил Дэнни. Покосился на насупившегося фаерщика и спросил: – Ну что, будешь бить морду конкуренту или высадишь меня на обочине?

– Ты мне не конкурент.

Дэнни усмехнулся в ответ:

– Ну да, а ты за ней едешь, ведомый исключительно заботой о судьбе «Колизиона», личной привязанности у тебя никакой.

– Да. Нет. Не совсем. – Фьор помотал головой. – У нас все сложно.

– Звучит, как статус в соцсетях.

– Никогда не ставил статусы в соцсетях.

– Ну и зря. А я ставил. Чем пафоснее слова и глубже псевдосмысл, тем больше реакции подписчиков.

– Спасибо за мудрость! Учту на тот случай, если вдруг вернусь в мир и решу заделаться крутым блогером.

Дэнни внимательно посмотрел на фаерщика, а затем понимающе кивнул и предложил:

– Может, хватит нам уже упражняться в остроумии? Ну протянешь ты время, пикируясь со мной, а толку? Все равно же придется решать, что делать. Придумывать тот самый план, которого у тебя не было.

Фьор вздохнул, соглашаясь:

– У меня была идея. Настолько безумная, что и планом-то не назвать.

– Безумная идея – это прекрасно! – подбодрил Дэнни. – Рассказывай!

– Я видел, куда уходила Ронда, и решил, что «Обскурион» должен быть в той стороне.

Крис забрали не так давно, так что, если ехать в ту сторону на всей скорости, я просто должен буду их нагнать. Главное, чтобы по пути не встретилось перекрестков и развилок, так будет сложнее.

– И это все? – изумился Дэнни. – Это и есть твоя хваленая безумная идея? А что в ней безумного, скажи на милость?

– Ее беспросветный идиотизм. Ну согласишься, примитивнее ведь просто некуда!

– Соглашусь. Тем более полагаться на дороги, по которым ездят наши цирки, точно не стоит, кто его знает, где они на самом деле пролегают.

– Ну вот и я о том же – планом это не назовешь.

– Но раз ты это понимал, значит, у тебя должно быть что-то еще. То, что ты назвал безумным, – с неожиданной проницательностью предположил шут. – Что?

Фьор помолчал, но потом все же ответил:

– У нас с Крис бывают общие видения из прошлого. Как нам кажется, это видения из наших прошлых жизней. Когда они случаются, я... даже не знаю, как это описать... я словно настраиваюсь на Крис. Даже и не я, а тот, кем я был в той жизни, – он каким-то образом ощущает ту, тогдашнюю Крис. И я думал, что если не нагоню «Обскурион», то, может, мне удастся настроиться на Крис и понять, где она... Забудь! Я ж говорю, совершенно безумная идея.

– Да нет, отчего же! Очень даже в духе той безумной реальности, куда нас занесло. Значит, инквизитор, да? – быстро сопоставил факты Дэнни и пояснил в ответ на недоумевающий взгляд Фьора: – Ну, Ронда же сказала, что среди нас потомок инквизиторов. Интересно только, что ты, инквизитор, делаешь в цирке потомков колдунов.

– Сам уже всю голову сломал, – признался Фьор. – Пока версия только одна: возможно, инквизиторы тоже обладали колдовскими способностями, просто вовремя сообразили встать на безопасную сторону, где эти способности назывались божественным провидением, а не про-исками дьявола.

– Хорошая версия, – одобрительно кивнул Дэнни. – Ну и как, пробовал уже настраиваться на Крис? – вернулся он к главной теме.

– Пока нет; у меня еще есть надежда, что, может, все окажется легко и удастся нагнать «Обскурион».

– Тогда жми на газ. Давай уже скорее убедимся, что твой идиотский план не сработал, и перейдем к плану безумному.

* * *

Риона не помнила, как задремала. Из неглубокого сна, наполненного не то тревожными видениями, не то воспоминаниями о последних событиях, ее вырвал шум на улице. Из окна было видно только унылое поле и растерявший последние остатки желтой листвы лес. Соседки по трейлеру, которые могли бы ответить на вопрос, что происходит, куда-то ушли, и потому Риона торопливо выскочила наружу. Один из способов, которые помогают пережить смутные времена, – это как можно раньше узнавать все самые последние новости, чтобы быть готовой к резким переменам. А времена в «Колизионе» настали самые что ни на есть смутные...

Циркачи толпились возле белого трейлера, который продолжали называть между собой трейлером Сола несмотря на то, что после него в цирке сменилось уже три директора разной степени «настоящести»: Графиня, Кабар и Крис.

Пробравшись через толпу поближе к эпицентру происходящего, Риона увидела, что возле трейлера стоит Графиня, и к ней по очереди подходят циркачи и берут из ее рук... девушка прищурилась... – это что, хлыст? – держат его некоторое время в руках, а потом возвращают и отходят в сторону.

Вот к Графине подошла Джада. На губах конторсионистки играла уверенная улыбка, она нетерпеливо выхватила хлыст и взмахнула им. Раздался громкий шелчок, первый ряд зрителей невольно отшатнулся.

Джада пристально уставилась на хлыст, будто ждала какой-то реакции, вот только Риона не понимала какой.

– Что происходит? – шепотом спросила она стоявшую рядом акробатку.

Та обернулась и уже открыла рот, но тут над ухом Рионы раздался мужской голос:

– Цирк выбирает Дрессировщика.

Риона обернулась и уставилась на Вита. Ее долгая, упорная неприязнь к нему только было начала затухать, и тут обвинения Ронды снова всколыхнули все сомнения! С тех пор как помощница директора «Обскуриона» сделала серию шокирующих разоблачений и ушла, забрав с собой Крис и Апи, возможности поговорить с Витом у Рионы не было, точнее, она ее ему не давала, зато у ее сомнений и подозрений оказалось более чем достаточно времени для того, чтобы разрастись и снова разжечь костер неприязни.

– Кто такие Наблюдатели и почему ты на них шпионишь? – резко, без всяких вступлений, спросила она, глядя Виту прямо в глаза, и не без удовлетворения заметила, как тот едва заметно вздрогнул. – Что, еще не готов говорить об этом и признаваться в том, что ты меня обманывал?

Вит напрягся, услышав так хорошо знакомый ему презрительный тон, которым Риона все это время с ним общалась.

– Ладно, расскажи, что это за дрессировщик и зачем он нам, если у нас так и так нет зверей, – потребовала она.

– Это для Гончих, – с облегчением ухватился Вит за отсрочку неприятного разговора. – Предположительно, Гончие могут взять след других цирков, и тогда мы с их помощью выйдем на «Обскурион» и Крис. Но для того, чтобы Гончие повели нас по этому следу, нужен Дрессировщик.

– Гончие – в смысле те чудовища, которые нас едва не сожрали? – уточнила Риона.

– Они самые.

– И откуда вдруг стало известно, что их можно превратить в послушных охотничьих собачек?

– Графиня рассказала.

– А она откуда узнала?

– Она не докладывала, – пожал плечами Вит. – Просто сообщила, что мы ищем Дрессировщика, и что он может заставить Гончих взять след цирков, и что хлыст из цыганской кибитки – это артефакт, с помощью которого цирк укажет на того, кто станет Дрессировщиком. А ты же знаешь, как она говорит: так уверенно, что тебе и в голову не придет сомневаться.

– Думаешь... – начала Риона, ее голос невольно дрогнул, и она заговорила еще тише: – Думаешь, она узнала про это, пока была там?

– Там, где была с Ковбоем после того, как они исчезли? Может быть, может быть... – задумчиво протянул Вит.

– А ты знаешь, что это за место?

– Почему я должен об этом знать?

– Ну ты же шпион Наблюдателей... А раз наблюдают, то наверняка много знают.

Вит стиснул челюсти так, что на скулах заиграли желваки.

– Следующий! – раздался громкий голос Графини.

Она забрала хлыст у Джады, крайне неохотно разжавшей руку на рукояти, и протянула его новому кандидату.

– Ты уже пробовал? – спросила Риона.

– Еще нет. И, честно говоря, я надеюсь, что честь стать Дрессировщиком достанется кому-то другому, – криво усмехнулся Вит.

– Ну да, куда тебе еще и Дрессировщиком, ведь ты наверняка слишком занят тем, что шпионишь для Наблюдателей.

Вит нахмурился и отвел взгляд.

Больше всего Рионе хотелось продолжать его обвинять – до тех пор, пока она не вытрясет из него признание, до тех пор, пока дотла не выжжет у себя в душе зародившийся росток робкой веры в то, что его слова были правдой и он действительно пришел в «Колизион» ради нее. Этот росток стал для нее сейчас немым укором, напоминанием о ее безнадёжной наивности.

Тем не менее место и время для выяснения отношений были максимально неподходящими, и Риона это понимала. Позже. Она выльет на него ушат обвинений и презрения позже. А пока Риона демонстративно отвернулась от Вита и стала пробираться через толпу, чтобы встать в конец очереди к Графине. Положа руку на сердце, ей тоже вовсе не хотелось получить сомнительную честь стать Дрессировщиком страшных огненных тварей – от одной мысли об этом внутри все скручивалось в тугую узел, – но, если это поможет вернуть Крис, она готова!

Но до Рионы очередь так и не дошла, потому что через несколько минут цирк сделал свой выбор. Он сопровождался пронзительным свистом и серией оглушительных щелчков хлыста, буквально ожившего в руках нового Дрессировщика.

Риона поднялась на цыпочки, чтобы увидеть из-за закрывавших ей обзор спин и голов, кого же выбрал «Колизион», а увидев, застонала.

Ну разумеется! Закон подлости в действии! Кого же еще цирку выбрать Дрессировщиком, как не *его*!

* * *

До самой ночи Кристина бродила по стоянке «Обскуриона», присматриваясь к автомобилям и прикидывая, какой из них можно незаметно угнать. Она никогда в жизни не водила машину, но это же, наверное, не так сложно, тем более сейчас, когда большинство машин –

с автоматической коробкой передач скоростей. Завести двигатель, нажать на педаль газа – и ехать! Последняя часть задачи упрощается тем, что ехать она будет все по тем же неестественно пустым дорогам, а значит, ей не придется беспокоиться о других участниках дорожного движения, дорожных знаках, светофорах и полицейских. То есть рулить будет максимально просто: езжай себе прямо, и все. Для этого не требуется никаких особых умений и навыков, не так ли?

Однако чем дольше Кристина бродила по стоянке цирка, тем отчетливее понимала, что, возможно, она вообще зря думает о той части плана, которая включает в себе вождение автомобиля; прямо сейчас уже самая первая часть – угнать машину – казалась невыполнимой. Во-первых, легковых автомобилей в «Обскурионе» оказалось совсем немного, а во-вторых, возле них постоянно кто-то был. Про угон же грузовика или автобуса Кристина даже и не думала, с такой тяжелой машиной она точно не справится. Будет глупо бежать только ради того, чтобы угробить себя в пути.

Кристина решила дождаться ночи. Циркачи разойдутся спать, и вот тогда она проберется в один из автомобилей, заберет Апи и уедет.

Стоп. А как она незаметно заберет Апи? Да, сейчас он был в салоне автобуса один, но Кристина видела и другие кровати. Значит, там кто-то живет и наверняка заметит, если посреди ночи она зайдет к ним и уведет ребенка.

«Заберу его прямо сейчас, – решила Кристина. – Скажу, что хочу, чтобы он подышал свежим воздухом».

Вернувшись за обезьянышем, Кристина застала в салоне двоих циркачей, но ни один не задал ни единого вопроса и вообще не сказал ни слова, когда она подошла к кровати и попыталась поднять Апи. Мальчишка не то что не встал, он даже не смог сесть, егохватило только на то, чтобы открыть глаза.

Преисполненная решимости уйти из «Обскуриона» сегодня же ночью, Кристина подхватила Апи на руки и опять испугалась: таким он оказался неестественно легким! А ведь прежде, когда он с разбегу врезался в нее и обхватывал руками за талию, его вес ощущался вполне реально. Так же, как у Кирюши.

«Может, это такая особая, медленная разновидность удаления?» – мелькнуло у Кристины предположение, но она тут же от него отмахнулась. Даже если и так, вот еще одна причина для того, чтобы вернуться в «Колизион» как можно быстрее!

Выйдя с Апи на руках на улицу, Кристина медленно побрела вдоль автоколонны, приглядываясь к автомобилям. Найти бы хоть один, рядом с которым никого нет! Она бы положила на заднее сиденье Апи, они бы дождались там ночи, а потом уехали прочь под покровом темноты.

Но, как назло, возле всех немногочисленных автомобилей кто-то был. «Я не пойму, у них другого места, что ли, нет, чтобы поболтать?» – возмущалась про себя Кристина, глядя на циркачей.

Поняв, что если будет слишком долго гулять с Апи на руках, то привлечет к себе ненужное внимание, Кристина уселась на обочине дороги. Все, будет ждать здесь!

В глубине души Кристина боялась, что сейчас к ним кто-нибудь подойдет и пристанет с расспросами. Но никто не обращал на них никакого внимания. Время от времени вдалеке Кристина видела Ронду, а как-то раз – Джордана, но ни та, ни другой на нее даже не взглянули. Никаких людей, приставленных тайком следить за ней, Кристина тоже не заметила. Значит, Джордан и впрямь имел в виду то, что сказал: он не собирается ее запереть. Директор «Обскуриона» был абсолютно уверен в надежности невидимых цепей, которые и без физических ограничений прекрасно удержат Кристину в его цирке.

«Вот и подавись своей уверенностью!» – с мрачным удовлетворением думала Кристина, представляя выражение лица Джордана, когда утром обнаружится, что она все-таки сбежала.

Небо давно потемнело, воздух наполнился пронзительной свежестью поздней осени, той, в которой уже чувствуются намеки на дыхание поджидающей свой черед зимы, окна фудтраков закрылись, мангалы погасли, костры догорали, но циркачи по-прежнему не спешили расходиться. Да что ж это такое, они всю ночь собираются не спать? Или просто это кажется, будто они торчат здесь целую вечность, потому что Кристина уже давно ждет, ей не терпится бежать и она продрогла?

Постепенно «Обскурион» начал затихать, и наконец все разошлись по своим автобусам и трейлерам. Кристина разрывалась между желанием выждать еще немного для верности и уехать немедленно, потому что, как только Джордан заметит ее отсутствие в автобусе, наверняка отправит кого-то ее искать. Или не отправит; он может решить, что она устроила акцию протеста, детскую и бессмысленную, спрятавшись где-то, но беспокоиться нет причин, ведь из «Обскуриона» она все равно никуда не денется – невидимые цепи держат крепко.

Что ж, если так, ей это только на руку.

– Я тебя сейчас оставляю, но буквально на пару минут, – шепнула она Апи. – Быстренько найду незапертую машину с ключами, и мы поедем.

Бережно положив обезьяныша на землю, Кристина поднялась и, охнув от боли, пронзившей затекшие ноги, поковыляла к ближайшей легковушке. Дернула за ручку. Закрыто. Проверила следующую. Тоже закрыто...

Все чертовы машины этого чертова «Обскуриона» оказались заперты! От кого, скажите на милость, тут запираются? Кто может угнать автомобиль?

Элементарный план рушился на глазах! Кристина понятия не имела, как вскрывать замки на дверях машин, а выбить стекло боялась – вдруг шум кого-то разбудит? Да и толку от разбитого окна? Ну заберется она в салон, а дальше что? Без ключа машина все равно не заведется!

Обреченно дернув за ручку последнего автомобиля и в глубине души уже зная, что он тоже не откроется, Кристина с досадой саданула кулаком по капоту, а потом вернулась к Апи.

Обезьяныша она увидела не сразу, он буквально сливался с землей, и дело было не в темноте. Кристина со всей отчетливостью поняла, что ей не кажется, с Апи происходит что-то непонятное, его действительно буквально стирает из этого мира слой за слоем. Обезьяныш не переживет эту ночь.

Дальше Кристина не думала и не рассуждала. Она подхватила Апи на руки, и ей показалось, что он стал еще легче. Еще немного, и, стоит его отпустить, как он взлетит в небо, словно шарик с гелием!

Кристина прижала Апи к себе покрепче, будто он и впрямь мог улететь, и решительно зашагала по дороге, прочь от «Обскуриона». Компас внутри четко указывал ей направление, а о том, что она без понятия, как долго придется идти и можно ли вообще преодолеть всю дорогу до цирка пешком, она просто не думала. Главное – уйти подальше от «Обскуриона», вытягивающего из Апи все силы, и оказаться как можно ближе к «Колизиону».

Шаг за шагом, не думая о том, что будет через десять шагов и что будет через сто. И сколько их будет, этих шагов.

Шаг за шагом, в ночь, в темноту.

Шаг за шагом, не гадая, на сколько хватит сил.

Шаг за шагом, думая только об одном шаге за раз.

Шаг за шагом.

Шаг за шагом...

Глава 5

То ли все дело было в мрачном, пасмурном небе очень поздней осени, то ли в самовольном уходе из «Колизиона», то ли в том, что дороги, по которым ездили цирки, и впрямь пролегали в каком-то другом измерении, существующем по собственным законам, но вскоре Фьор окончательно потерял ощущение времени в царивших вокруг серых сумерках. Часов на приборной панели ретроавтомобиля, разумеется, не было, наручные часы он не носил, давно разряженный телефон остался в автобусе цирка, затянутое плотными серыми облаками небо надежно скрывало солнце, и фаерщик не представлял, какое сейчас время суток и как долго он уже едет по пустынной трассе. Если судить по тому, что стрелка на индикаторе бензина все еще не опустилась в самый низ, – несколько часов, а если по тому, сколько мыслей он успел передумать, – то целую вечность.

Непрошенный попутчик и вовсе задремал. Фьор покосился на Дэнни, привалившегося лбом к стеклу, и почти позавидовал его безмятежности. Сам он сейчас не смог бы заснуть, даже если бы лежал в удобной постели!

Автомобиль пожирал километр за километром асфальтовой ленты, час утекал за часом, Фьор ощущал это даже в нынешнем странном состоянии безвременья, и ему все сильнее начинало казаться, что он будет ехать целую вечность, но так и не нагонит черный цирк, потому что там его просто нет. Зато он точно нагонит свое удаление, потому что пробудет слишком долго за пределами защиты «Колизиона».

Машину встряхнуло на выбоине, Дэнни всхрапнул и проснулся. Бросил быстрый взгляд в окно, мгновенно оценил открывшуюся ему картину, неторопливо потянулся и спросил:

– Ну что, пора уже переходить к твоему безумному плану? Или у тебя бензин закончился?

Вместо ответа Фьор начал плавно тормозить. Он и сам понимал, что по-простому уже не получится, значит, надо попытаться настроиться на Крис и ту зыбкую связь между ними, но делать это, находясь за рулем, пусть даже и на пустынной трассе, – не самое разумное решение.

Машина остановилась прямо посреди дороги; по обеим сторонам ее стискивали высокие стены деревьев, голые сучковатые ветви туго переплетались с хвойными лапами, образуя плотный коридор. Верхушки сосен смыкались над ним навесом, под которым царили еще более глубокие сумерки.

Фьор заглушил мотор и вышел из салона. Вокруг царил неестественная тишина – ни шороха опавших листьев, ни треснувшего сучка, ни шелеста ветвей под порывами ветра. Под сводом голых ветвей и крон сосен асфальтовая дорога казалась чужеродным творением, насильственно проложенным через глухую, нетронутую чашу.

Фаерщик невольно поежился от неуютного чувства, которое возникло у него от этого мертвенно-тихого леса. Как и у многих городских жителей, контакт Фьора с природой ограничивался прогулками по муниципальным паркам и скверам, разбитым среди бетонных высоток и лент пропахших бензином магистралей. Редкие пикники за городом и купание в речке – вот весь его опыт наедине с дикой природой.

Разумеется, с тех пор как Фьор попал в «Колизион», за их бесконечные поездки он более чем насмотрелся на леса, холмы и поля, но видеть пейзажи из окна – не то же самое, что оказаться один на один с этими самыми лесами, полями и холмами. Да, цирк постоянно останавливался на ночевки на обочине трассы в самых безлюдных местах, но вокруг всегда кипела цирковая жизнь, создавая уютный кокон цивилизации, и фаерщик никогда не оставался действительно один на один с природой, не ощущал того подавляющего воздействия, которое она может оказывать.

На миг возникла пугающая мысль, что зря он выключил двигатель. Пока машина работала, был шанс уехать, а сейчас лес не даст завести ее снова, двигатель так и останется мертвым.

Не в силах удержать порыв, Фьор сел за руль, вставил ключ в замок зажигания и с бьющимся от волнения сердцем повернул его в замке. Ну? Заведется?

Звук проснувшегося мотора прозвучал сладкой музыкой; фаерщик облегченно выдохнул и откинулся на спинку сиденья. Да уж, знатно он себя накрутил на пустом месте!

– Ты что, передумал? Хочешь снова наугад гнаться за «Обскурионом»?

– Нет. Просто понял, что мне как-то спокойнее, когда двигатель работает. Этот лес, – фаерщик поежился, – мне от него не по себе.

Дэнни не стал высмеивать и комментировать иррациональный страх попутчика.

– Тогда давай остановимся где-нибудь подальше, где будет спокойнее, – предложил он, и фаерщик без колебаний согласился.

Фьор дождался, когда Дэнни сядет в машину, и нажал на газ.

Дорога сделала крутой поворот, и едва Фьор в него вписался, как тут же со всей силы ударил по тормозам. Раздался визг, машина вильнула и встала.

– Что такое? – не понял Дэнни, а затем проследил за напряженным взглядом Фьора, присвистнул и прищурился. – Да это же люди!

– Угу, – напряженно кивнул Фьор.

Люди – это, конечно, намного лучше, чем мертвенный лес, от которого по спине ползли липкие щупальца страха, а все существо охватывало ожидание какой-то неприятности, но в то же время люди на дорогах, по которым ездят цирки, – это вряд ли к добру. По *этим* дорогам ничего хорошего не ездит. Да взять хотя бы их самих. Если только, конечно, это не артисты из другого мистического цирка, которые то ли отстали, то ли сбежали, то ли их выкинули свои же.

Сумерки скрывали детали и размывали силуэты, и все, что мог сказать Фьор, это что на дороге было двое. Они не шли, а стояли, и не на обочине, как те, кто ловит попутку, а прямо посередине, словно ждали машину и были готовы не дать ей проехать.

Не заглушая двигателя, Фьор открыл дверцу, вышел на дорогу и вперился взглядом в незнакомцев. В их виде – во всяком случае, в том, что можно было разглядеть в сумерках, – не было ничего угрожающего, и все же внутренняя сигнализация, то самое шестое чувство на пару с предчувствием всюду звонили в колокола.

Хлопнула дверца с пассажирской стороны, и к Фьору присоединился Дэнни.

– Идем знакомиться? – предложил шут, не сводя глаз с фигур.

– Кажется, они сами к нам идут, – заметил Фьор.

Действительно, увидев, что ретроавтомобиль остановился, незнакомцы направились к нему. Фаерщик с Дэнни пошли им навстречу.

– Хорошая новость – это явно не зомби! – бодро сообщил шут. – Смотри, как идут! Совершенно нормально, никаких волочащихся ног и вытянутых вперед рук.

Фьор кивнул, напряженно вглядываясь в незнакомцев; попытка Дэнни разрядить атмосферу шуткой не особо сработала. Что-то в этих двоих казалось ему неуловимо знакомым, но он пока не мог понять, что именно.

– Привет! – на пробу выкрикнул Дэнни. – Какими судьбами в этих краях?

Незнакомцы не ответили.

Фьор остановился и непроизвольно напряг кисти рук. Если дело будет плохо, на крайний случай у него всегда есть огонь.

– Ты это видишь? – вдруг прошептал Дэнни, тоже останавливаясь, и в его голосе явственно прозвучало потрясение.

– Что? – напрягся Фьор.

– Ты видишь, кто это?

– Нет, – покачал головой фаерщик.

Но тут незнакомцы вступили в полосу света от многочисленных круглых фар ретроавтомобиля, и Фьор наконец-то рассмотрел их лица.

И шумно выдохнул, увидев... себя.

* * *

Кристина не помнила, когда силы оставили ее и она опустилась на холодный асфальт. Она не представляла, как давно ушла из «Обскуриона» и сколько уже шла.

Все, что понимала Кристина, – это то, что она сидит на пустой дороге с почти невесомым Апи на руках, в полной темноте, ощущая где-то там вдалеке «Колизион», такой внезапно родной и желанный – и такой недостижимый, и понимая, что это – конец. Она больше не может сделать ни шагу, и даже если бы ей грозили пистолетом, сил на то, чтобы подняться, у нее не осталось. Весь прежний опыт занятий плаванием, когда после изнурительных тренировок Кристине порой казалось, что она больше никогда не сможет пошевелить и пальцем, мерк по сравнению с сегодняшней запредельной усталостью. Это была усталость совершенно нового уровня.

Апи едва ощутимо пошевелился, и Кристина обреченно опустила голову. Она не сможет спасти обезьяныша. Она подвела его. Его – и всех циркачей «Колизиона», получивших такого незадачливого директора, который не только пропал, не пробыв официально в должности и суток, но еще и забрал с собой амулет-основатель. Так они с Апи и умрут – или исчезнут, будут удалены, – здесь, посреди дороги без начала и конца, в этой тихой, холодной, почти зимней ночи...

Что-то мокрое за холодило щеку. Кристина машинально подняла голову, ожидая увидеть дождь, но небо и не думало плакать. Плакала она.

Кристина всхлипнула и, одной рукой по-прежнему прижимая к себе невесомого Апи, другой вытерла лицо. Но одного движения оказалось недостаточно, потому что стоило лишь позволить себе заплакать, и слезы полились, словно вода сквозь прорванную плотину.

Кристина плакала, плакала и плакала до тех пор, пока темнота не размылась перед глазами, пока мир не исчез за мутной пеленой, а в голове не стало блаженно пусто – ни единой мысли, ни единой тревоги.

А потом по щеке прошлось что-то мокрое и шершавое. Не будь Кристина в таком оцепенении, она бы наверняка вскрикнула от страха, а так она лишь равнодушно повернулась – и уставилась прямо в огромные мерцающие янтарные глаза опасного хищника.

Миг – и перед ней стоял Те.

– Наконец-то, – проворчал он, но в обычно нечитаемых раскосых глазах Кристина заметила тщательно спрятанную улыбку. – Три дня уже вас жду.

– Три? – переспросила Кристина.

Прошло три дня? По ее внутренним ощущениям, она пробыла в «Обскурионе» не больше суток. И шла по ночной дороге, наверное, все же не вечность, а лишь несколько часов. Хотя... какая разница?

А потом воздух наполнился знакомым, но все еще экзотическим запахом паленых трав, и панцирь оцепенения лопнул и посыпался осколками, словно стекло, в которое ударил камень.

Снова полились слезы, но на этот раз не от обреченности, а от облегчения. Те здесь! Те здесь, а значит, они с Апи спасены!

* * *

Если поначалу Тине казалось, что это она принимает решения по поводу своей новой обретенной жизни, это она задает вектор событиям вокруг себя и управляет происходящим, то теперь она все сильнее ощущала, что ее словно оттесняют в сторонку, туда, где она может только наблюдать за происходящим, но не участвовать в событиях. И ей это очень не нравилось. Почему вдруг она оказалась зрителем? Ее не должны задвигать на задний план хотя бы потому, что это она привела Кирилла. Более чем весомый вклад в общее дело!

Но факт оставался фактом: остальные хостильеры Тину по большей части словно и не замечали и не включали в общие обсуждения. Спасибо на том, что хотя бы не прогоняли. Но Тину такое положение вещей категорически не устраивало. Не для того она получила себе жизнь, чтобы оказаться в стороне, особенно когда началась игра, ставка в которой – в том числе и ее собственная свобода.

О, только представить, что она больше не будет связана с Кристиной! Никаких ограничений, никаких оков! Полностью принадлежать себе, только себе! И наконец получить в распоряжение доступ ко *всем* силам, а не к тем их жалким крохам, которые есть у нее в наличии сейчас из-за того, что ее ограничивает связь с иницием.

И это действительно может произойти, если Первый фамильяр поможет им стать свободными. Скорее бы!

Нетерпение терзало не одну Тину. Отвезя Первого фамильяра в довольно роскошные для Верходновска апартаменты неподалеку от скромного центра города, хостильеры тут же устроили нечто вроде военного совета и, перекрикивая друг друга, строили и отбрасывали планы, включавшие все, от мирных переговоров до захвата заложников и вооруженного нападения на цирки.

Громко споря и яростно отстаивая свои позиции, хостильеры одновременно старались выставить себя в выгодном свете перед Первым фамильяром; они будто боролись за теплые местечки в будущем мире, где именно он будет их правителем, и хотели прямо сейчас застолбить за собой позицию поближе к нему.

Тина наблюдала за происходящим со стороны и, подмечая, как хостильеры лебезят перед Первым фамильяром, хмыкала. Хостильеры любили противопоставлять себя не только фамильярам, но и людям, подчеркивая, насколько они лучше. Однако стоило только зайти речи о власти, и они повели себя ничуть не лучше людей, старавшихся всеми правдами и неправдами урвать себе кусок влияния, да побольше.

Первый фамильяр держался отстраненно. Он мало участвовал в разговорах, все больше слушал и наблюдал за происходящим свысока, со слегка насмешливым и чуточку утомленным видом. Тине казалось, что происходящее его скорее забавляло и что он не воспринимает его всерьез. То, что для хостильеров было вопросом их свободы и существования как такового, для

него больше походило на легкое развлечение, на игру, в которую он согласился подыгрывать до тех пор, пока это вызывает у него интерес, но, как только ему наскучит, он ее бросит.

Возможно, такое впечатление у Тины складывалось из-за внешности Первого фамильяра. Каждый раз, глядя на него, в самый первый миг она видела Кирилла. И каждый раз на долю мгновения испытывала шок от его быстрых, четких жестов, активной мимики и живых эмоций в голосе. И хотя Тина прекрасно понимала, что это больше не ее «брат» с особенностями развития, яркий диссонанс между внешностью, с которой она уже привыкла ассоциировать определенное поведение, и новым поведением выбивал у нее почву из-под ног.

Время от времени Тина тоже ловила на себе взгляд Первого фамильяра – взгляд, полный неприязни, – и гадала, что же, черт побери, произошло такого, что один лишь ее внешний вид до сих пор заставляет Первого фамильяра кипеть от ненависти даже после стольких веков, проведенных за пределами жизни?

Когда наконец запал хостильеров угас и они выдохлись, но так и не пришли к идеальному плану действий, все взгляды обратились на Первого фамильяра.

– Вам надоело слушать звуки собственного голоса и теперь вы хотите узнать мое мнение? – спросил он.

– Да. – Ивар то ли не заметил презрения в словах Первого фамильяра, то ли решил не обращать на него внимания. А может, просто привык к манере его общения.

– Зависит от того, чего именно вы хотите добиться: свободы только для себя или для всех хостильеров. Или вообще для всех фамильяров.

Вопрос застиг Тину врасплох; лично она и не думала о других, только о себе! Но теперь, когда Первый фамильяр об этом упомянул... Возможно, им и правда стоит освободить всех хостильеров. А может, и всех фамильяров заодно – хотя бы из чувства видовой солидарности. Впрочем, чувство это было слишком слабым и полностью перекрывалось желанием сначала устроить все хорошо для себя. Да, сначала самой освободиться от своего инициия, а потом можно подумать и о других. А также о том, стоит ли дарить свободу тем, кто палец о палец не ударил ради того, чтобы ее получить; разве они ее заслужили? Вот она, Тина, заслужила! Она создала яггера, она раздобыла артефакт в ночь циркулуния, она влила свои силы в ритуал возвращения Первого фамильяра. Наконец, это она нашла ему тело. Не то чтобы она планировала использовать Кирилла для этой цели, собственно, она вообще хотела оставить его дома, но это не меняет того факта, что именно ее брат стал пристанищем для Первого фамильяра. Да, она внесла свой вклад. Почему же другие фамильяры должны получить ту же награду в виде свободы, когда они ничего не сделали?

Мнения Тины никто не спрашивал, но, поймав взгляды других хостильеров, она поняла, что их мысли схожи с ее.

Первый фамильяр, похоже, тоже понял, какой будет ответ, и ухмыльнулся, отчего детское лицо уродливо перекошилось.

– Ясно. Сначала свобода для себя, а потом уже можно подумать, освобождать ли остальных. Возможно, и не освобождать, и остаться единственными полностью свободными хостильерами. Стать элитой внутри элиты.

Хотя голос Первого фамильяра так и сочился ядом, его слова, похоже, все равно пришлись всем по вкусу. Тина не могла отрицать того, что идея стать не просто свободной, но еще и возвыситься над остальными сородичами ее привлекала. Приятно быть в чем-то лучше других. А еще приятнее быть самой лучшей.

Правда, Ивар попытался возразить, пусть и без особой убежденности:

– Мы сначала опробуем способ на себе, и, если все получится, займемся и другими хостильерами.

Тина отметила, что фамильяров Ивар не упомянул. Очевидно, для него они были низшими существами, а она, видимо, провела не так много времени в компании других хости-

льеров, чтобы проникнуться этим внутренним разделением их на подвиды и держаться за него. Пара дистанционных разговоров с незнакомыми ей хостильерами, с которыми она сумела выйти на связь вскоре после появления в этом мире, не в счет.

– Тогда и займетесь... – повторил Первый фамильяр. – А если у вас самих ничего не выйдет?

– Почему? – удивился Ивар. – У тебя же это получилось.

– А может, у меня получилось только потому, что я был лучше вас?

Хостильеры примолкли.

– Нет, – неуверенно сказала наконец Вив. – Изначально мы все в одинаковых условиях. Если не считать того, что фамильяры замещают обычных людей, а мы, хостильеры, замещаем потомков колдунов. Просто некоторые из нас готовы идти дальше и потому достигают намного большего. Как ты.

– Изначально мы все в одинаковых условиях, – передразнил Первый фамильяр. – И именно поэтому вы, одинаковые, не считаете себя фамильярами и даже придумали себе другое название? Ах, эта приятная иллюзия, что из каждой посредственности может получиться нечто экстраординарное, она так уютно освещает тусклые дни унылой обыденности! В нее так приятно верить и ждать, что тебе вот-вот повезет и на тебя свалится та самая заветная экстраординарность!

Тина подумала, что для существа, выпавшего из мира на несколько веков, его речь слишком уж современная. Где же он провел все время своего заключения на самом деле? Может, Первый фамильяр вовсе и не был отрезан от мира? Может, он все это время за ними наблюдал и выжидал нужный момент? И вовсе не они его вызвали, а он сам пришел, потому что дождался того самого нужного момента, чтобы сделать... что?

– Но мы-то не ждем, когда нам повезет, – напомнила Вив. – Мы действуем. И начали с того, что вернули тебя.

Первый фамильяр пренебрежительно фыркнул:

– Хорошо старание – позвать кого-то на помощь, чтобы он сделал все за вас.

Тина обещала себе не вмешиваться, но Первый фамильяр оказался пренеприятнейшей личностью, и, чем дольше он говорил, тем яснее это становилось. Тина не видела причин, чтобы и дальше терпеть его уничижительные замечания.

– А ты прямо-таки упиваешься своим превосходством, да? – спросила она. – Оскорблениями, демонстрацией своего высокомерия и снисходительности, тыканьем нас носом в нашу ничтожность. Хотя вообще-то это мы, ничтожные, тебя вернули.

– Да, и сделали дрянную работу. – Первый фамильяр с отвращением посмотрел на свое детское тело.

– Всегда можем отправить тебя обратно, – не осталась в долгу Тина.

– А ты попробуй, – тихо предложил Первый фамильяр, и в глубине детских глаз полыхнула такая пронзительная дикая темнота, что Тина вздрогнула.

– Тихо! – воскликнул Ивар. – Давайте не будем друг другу угрожать и вернемся к вопросу о том, какой у нас план действий. У нас же у всех общая цель, правильно? Мы хотим получить свободу.

– Хорошо, вот вы стали свободны, и что дальше?

– Освободим других хостильеров, – несколько более уверенно, чем прежде, ответил Ивар.

– А фамильяры?

– И их освободим, почему бы и нет? – согласился Ивар с небрежной щедростью бедняка, вообразившего себя богачом и охотно скидывающего с барских плеч воображаемую шубу, чтобы поделиться ею с менее удачливыми собратьями, и в то же время знающего, что дома у него еще десяток таких же шуб.

– А потом? – продолжил настойчиво спрашивать Первый фамильяр.

– Потом?

Ивар растерялся. Глядя на выражение его лица, Тина поняла, что он об этом никогда не думал, его мечты и планы не простирались дальше того, чтобы получить полную свободу от своего инициия.

Что ж, он, может, и не думал, зато Тина мгновенно представила себе мир, полный свободных хостильеров, чьи силы многократно возрастут, когда исчезнут оковы, связывающие их с иницииями. Мир, в котором будут они и обычные люди, давно верящие в то, что магические силы – это сказка. О, какой прекрасный это будет мир! Какой удобный для хостильеров!

– А потом, – ответила Тина за Ивара, и ее голос звучал твердо, – наконец-то не мы будем служить людям-колдунам, как это было когда-то, а люди будут служить нам.

Первый фамильяр окинул ее оценивающим взглядом.

– Вижу, фамильная кровь дает о себе знать, – одобрительно сказал он и перевел взгляд на остальных хостильеров, чтобы оценить их реакцию на слова Тины.

И ему явно понравилось то, что он увидел.

– Что ж, вот *эта* игра уже стоит свеч, – подвел итог он.

– Итак, что нам нужно? – тут же перешел к делу Ивар. – Артефакты из других цирков, чтобы провести ритуал?

– Не просто артефакты, а амулеты-основатели, положенные в основу каждого цирка, – уточнил Первый фамильяр.

– У нас есть хостильеры, чьи инициии сейчас в «Обскурионе», «Колизионе» и «Инкогнионе», значит, найти эти три цирка проблем не составит, – сказал Ивар. – Пробудим яггеров; сейчас, когда нас много, нам хватит сил, и отправим их в эти три цирка. Остается выследить «Инфинион» и «Обливион», но...

– Не беспокойтесь сейчас о том, как найти цирки. Прежде нам нужно разобраться с инквизицией.

Хостильеры растерянно переглянулись, и никто не рискнул заговорить первым.

– В чем дело? – нахмурился Первый фамильяр, уловив, как изменилась атмосфера.

– инквизиции больше не существует, – как можно более деликатно пояснил Ивар. – Во всяком случае, не в том смысле, который вы, наверное, в него вкладываете. На ведьм уже давно никто не охотится.

– Невозможно, – с абсолютной уверенностью отмел услышанное Первый фамильяр. – До тех пор, пока в мире остаются колдуны, ведьмы и их потомки, инквизиция продолжит их искоренять.

– Вас не было несколько веков, – осторожно напомнил Ивар. – За это время многое изменилось...

– Есть вещи, которые остаются неизменными, – отрезал Первый фамильяр.

Детский голос звучал так холодно и решительно, что никто не осмелился возразить. Никто, кроме Тины.

– Для того, кто отстал от современности лет на триста-четыре, ты слишком уж уверен в своей правоте, – заметила она.

– Отчего бы мне не быть в ней уверенным, если это именно я создал подразделение инквизиции, которое стало заниматься охотой на ведьм?

– Э-э... – подала голос молчавшая до сей поры «учительница» и, оправдывая кличку, которую дала ей Тина, выложила: – Вы, если я не ошибаюсь, жили в шестнадцатом веке, а первые инциденты охоты на ведьм датируются четырнадцатым.

Первый фамильяр улыбнулся – холодно, одними губами.

– Да, церковь преследовала ведьм и раньше, но лишь изредка, от случая к случаю. Но когда Христиана, – он скривился, произнося имя своего инициия, – снесла преграды между

нашими мирами, все изменилось. Сюда пришло очень много фамильяров, и, чтобы выжить и остаться здесь, требовалось обезопасить свое существование, избавиться от тех, кто мог загнать их обратно, – от колдунов и ведьм. Уже существующая инквизиция стала для нас самым удобным инструментом. Ее лишь требовалось немного... подтолкнуть, и совсем скоро началась массовая охота на ведьм.

– Но зачем тебе инквизиция, если ведьм и колдунов больше нет? – спросила Тина. – На кого ты собираешь ее натравить на этот раз?

– Я ни на кого не собираюсь ее натравливать. Но в игре, которую мы начинаем, будем участвовать не только мы и цирки, но и инквизиция. Неважно, что ее никто не приглашает, она сама явится. А нам нужно, чтобы она не смешала нам карты.

– Хорошо, – сказал Ивар; ответ убедил его не в полной мере, но он был готов подстроиться под Первого фамильяра. – Давайте подумаем, как нам найти инквизицию.

– Можешь не слишком напрягаться, – посоветовал Первый фамильяр.

– Почему?

– Потому что теперь, когда я вернулся, они сами нас найдут.

* * *

Кристина не понимала, откуда у нее взялись силы, – то ли от облегчения, когда она увидела Те, то ли дыма этих его пучков засушенных трав, которые он подпалил. Но факт оставался фактом: еще несколько минут назад она сидела на обочине дороги и плакала от бессилия и уверенности, что умрет вместе с Апи прямо на этом месте, а сейчас бодро шла вслед за черным ягуаром, неся на руках почти невесомого Апи.

Шли долго. Кристине начало казаться, что Апи становится немного тяжелее, но, возможно, это давала о себе знать усталость. Зато Апи определенно перестал «таять». Впрочем, он по-прежнему оставался пугающе прозрачным.

– Те, – позвала Кристина, обращаясь к темной фигуре, мягко ступающей перед ней, – далеко нам еще?

Ягуар прищурился, и она без всяких слов поняла его ответ: что такое «далеко» в этом странном мире, где дистанция, видимо, играет лишь второстепенную роль?

– Хорошо, а если так: долго еще до «Колизиона»?

Воздух вокруг ягуара подернулся рябью, и вот уже перед Кристиной снова стоял Те в своем человеческом обличье.

– Устала? – спросил он.

– Немного. Но я куда больше беспокоюсь за Апи. Ему было очень плохо, и лучше бы его доставить в «Колизион» поскорее.

Те подошел к Кристине, бросил внимательный взгляд на обезьяныша и спокойно ответил:

– Не беспокойся, теперь с ним ничего не случится.

– Теперь?

– Да, теперь, когда мы возвращаемся. Чем ближе мы к цирку, тем лучше ему будет становиться.

– Это как? – не поняла Кристина, ускоряя шаг, чтобы поспеть за Те. – Хочешь сказать, он разболелся потому, что ужасно скучал до «Колизиону»?

– «Скучал» – неподходящее слово. Правильнее сказать, без «Колизиона» он не может жить.

– Те, а вы уже были здесь, когда он появился в цирке? – спросила Кристина под влиянием импульса.

– Нет, это он уже был здесь, когда в «Колизии» появился я.

Кристина недоверчиво взглянула на капельдинера. Она не знала, как давно тот в цирке, но, судя по тому, что ей доводилось слышать, он провел в «Колизионе» как минимум несколько лет.

– Это что же получается, Апи попал сюда младенцем?

Те задумчиво сощурил и без того раскосые глаза, а затем ответил – как всегда, в свойственной ему загадочной манере:

– Он всегда был таким, какой сейчас.

Кристина вздохнула; ох уж эти непонятные мудрости Те! Вроде и отвечает, но что ни слово, то загадка, которую еще поди разгадай!

– И что это значит? – спросила она. – Я знаю, что в цирке взрослеют и стареют медленнее, но не настолько же!

– С чего ты решила, что Апи ребенок? – сразил своим ответом Те.

Кристина остановилась, поудобнее перехватила обезьяныша, – черт, он и в самом деле становился тяжелее! – и внимательно на него посмотрела. Что значит «не ребенок»? Он что, взрослый – просто карлик? Да нет, не похоже, у карликов лица все равно взрослые...

– Те, пожалуйста, – жалобно протянула Кристина, – у меня были безумные несколько дней! Я столько всего узнала в цыганской кибитке! Потом это похищение, «Обскурион» и побег! Я устала, запуталась, в голове у меня каша, и я просто не могу разгадывать ваши загадки! Скажите мне прямо!

– Разве ты не узнала про Апи, когда ночевала в цыганской кибитке?

– Узнала что? – спросила Кристина.

Впервые на ее памяти на лице Те появилось что-то, похожее на удивление.

– Что ж, возможно, в кибитке ты узнала только о том, что сотворили создатели цирков, – задумчиво протянул он. – А Апи – это творение уже самого цирка...

– Какое творение?! – воскликнула Кристина, чувствуя, что ее терпение вот-вот лопнет и она сорвется на Те, хотя совершенно определенно этого делать не стоит. – Да скажите вы мне уже, кто Апи такой на самом деле! – взмолилась она. – Если он не ребенок, попавший к нам в цирк, то кто?

– Он – цирковой, – просто ответил Те и снова зашагал по дороге.

– Подождите! – окликнула Кристина и поспешила за ним. – Цирковой что?

– Просто цирковой, – сказал Те. Искоса посмотрел на Кристину, но, должно быть, выражение лица у нее было красноречивым, потому что он продолжил: – Ну же, вспомни мифы своего народа!

Подсказка не помогла, Кристина по-прежнему не могла сообразить, к чему ведет их экзотический оборотень-капельдинер индийского происхождения.

– В воде у вас – водяной, – начал терпеливо разъяснять Те. – В лесу – леший. В доме – домовый. А в нашем цирке – цирковой. Так понятно?

Кристина несколько долгих мгновений не моргая смотрела на Те; она слышала слова, но не могла понять их смысл. Потом наконец моргнула и перевела взгляд на Апи.

В доме – домовый. В цирке – цирковой...

Вот почему Апи становилось все хуже по мере того, как они отдалялись от «Колизиона»!

Вот почему он с самого начала так льнул к ней; видимо, сразу почувствовал в Кристине директора.

Вот почему пел свою странную, мрачно-пророческую песенку.

И вот почему из всех артистов Джордан захотел забрать именно ее и Апи. Он собирался уничтожить их цирк, просто и эффективно, лишив их разом и амулета, и директора, и циркового.

Кристина рассматривала лицо обезьяныша, в которое все больше возвращалась жизнь.

Он не артист «Колизиона», не ребенок и даже не дальний потомок колдунов, как все они.

Он вообще не человек. Он – цирковой.

Глава 6

Кабар нервничал.

Никто этого не заметил, кроме Рионы. И не потому, что она много раз видела метателя ножей волнующимся или неуверенным в себе, когда еще была его ассистенткой и знала, на что смотреть, – вовсе нет. Собственно, Риона не могла припомнить ни единого раза, когда Кабар нервничал.

И все же сейчас метатель ножей волновался, и она это улавливала тем особым чутьем, которое развивается у всех, чье выживание зависит от другого человека. О, когда кто-то держит в руках твою жизнь и смерть, ты очень быстро учишься настраиваться на этого человека и ощущать малейшие оттенки его состояния и настроения! А так как Риона освободилась от метателя ножей совсем недавно, это чутье у нее еще сохранялось.

Кабар стоял в хвосте припаркованного вдоль обочины каравана, похлопывал себя свернутым хлыстом по ноге и пристально вглядывался в сгущающуюся ночь. Поодаль, собравшись небольшими группами, стояли артисты «Колизиона», смотрели то в ночь, то на Кабара, тихо переговаривались, вслушивались в ночную тишину и настороженно ждали Гончих. И – Дрессировщика в действии.

Время тянулось мучительно медленно, поза метателя ножей становилась все напряженнее, сумерки – все гуще, а шепоток циркачей – все взволнованнее. Риона поймала себя на том, что непроизвольно сжимает и разжимает кулаки, хотя сама не могла понять, из-за чего именно волнуется. Наверное, все же из-за Гончих. Ну не из-за Кабара же, в самом-то деле!

– Интересно, и долго нам Гончих ждать? – раздался рядом голос Вита.

Риона промолчала. Он же не к ней обращается, значит, и отвечать не стоит.

– Если судить по прошлому опыту, нам нужно хотя бы сутки *не* ехать к месту следующего выступления, чтобы они поняли, что нас надо подгонять, – ответил Летун.

– Да, но тогда у нас не было Дрессировщика. А раз теперь есть, по идее, он должен уметь как-то их вызывать.

– По идее, да. А по факту наш Дрессировщик, кажется, без понятия, что нужно делать.

– Да хватит мне уже спину взглядом сверлить! – внезапно сорвался Кабар. – Я тоже ни черта не знаю, как это работает! Когда хлыст меня выбрал, он как-то забыл загрузить мне инструкцию по пользованию новыми способностями... которых я пока вообще не чувствую, – уже куда тише добавил он.

И тут, словно в ответ на его слова, из наползающей с горизонта ночи раздался теперь уже хорошо знакомый циркачам леденящий душу вой.

* * *

Глядя на то, как тот, другой, приближается к нему, Фьор на миг окончательно утратил связь с реальностью и со смесью настороженности и какого-то жадного любопытства разглядывал другого себя. Стильная одежда, которую он никогда не мог себе позволить в прежней жизни, меняла внешний вид, но лицо – лицо было его, до каждой мелкой черточки.

– Это наши фамильяры, – процедил Дэнни сквозь стиснутые зубы, подталкивая Фьора локтем. – Как, черт побери, они нас нашли? Да и друг друга, если уж на то пошло!

Фьор сразу понял, что шут прав. Конечно, это их фамильяры! Как они их нашли, его сейчас мало волновало, куда больше фаерщика занимал вопрос, что фамильяры собираются делать.

– Вряд ли они здесь для того, чтобы извиниться за то, что выкинули нас из наших жизней, и угостить кофе, – словно в ответ на его мысли пробормотал Дэнни.

И снова Фьор полностью с ним согласился. Цирк не пропускал к себе фамильяров, и, должно быть, так было устроено не без причины; видимо, когда-то давно людям, оказавшимся в цирке, нужна была защита от них. Но сейчас они с Дэнни далеко за пределами «Колизиона», и ничто не препятствует их фамильярам от них избавиться.

Правда, зачем им это? Они и так уже заняли их жизни, а Дэнни с Фьором заперты в цирках и им не мешают...

– Что делаем? Остаемся или бежим? – спросил Дэнни. – И давай решать побыстрее, потому что, если выберем второй вариант, его успех напрямую зависит от того, какое расстояние будет между нами и ними.

Фьор заколебался. Та самая сигнализация, состоящая из иррационального шестого чувства, интуиции и предчувствия, вопила не переставая, но рациональный разум вмешивался и убеждал, что сейчас появилась уникальная возможность поговорить со своим фамильяром. Так сказать, выяснить отношения. Другое дело, захочет ли их выяснять фамильяр...

Решение сформировалось само собой, когда фамильяр Дэнни поднял руку, словно поправлял браслет часов на запястье, и в свете луны тускло сверкнул кастет.

– Бежим! – одновременно выпалили Фьор с Дэнни и рванули к машине.

Круглые светящиеся глаза многочисленных фар были уже совсем близко, когда что-то тяжелое во всего маху упало фаерщику на спину. Удар швырнул его вперед, на капот, и Фьор явственно ощутил тепло нагретого двигателем металла. Но прежде, чем он хоть немного пришел в себя и успел щелкнуть пальцами, чтобы вызвать огонь, его перевернули, он успел заметить над собой лицо Дэнни, знакомое – и в то же время чужое, и металл впечатался ему в переносицу.

Во лбу взорвалась боль, рот наполнился вкусом крови. Словно в тумане, фаерщик увидел, как катаются по дороге Дэнни и его, Фьора, фамильяр, он узнал того по модному пальто. Но почему Дэнни атакует фамильяр Фьора, а Фьора – фамильяр Дэнни?

Фаерщик пытался понять, кто побеждает в схватке, Дэнни или фамильяр, но не мог ни проследить за ходом драки, ни тем более помочь; в его голову уже неся кулак, он рывком откатился по капоту в сторону – и щелкнул пальцами, вызывая огонь.

* * *

Циркачи так напряженно ждали появления из темноты огненных тварей, так сосредоточенно смотрели в одну сторону, что даже не заметили, как с другой стороны вечно безлюдной трассы к автокаравану вышли трое: девушка, ребенок и крупный хищник семейства кошачьих.

Эти трое шли вдоль пустых трейлеров и автобусов: хищник – мягко и грациозно ступая по земле, девушка – устало волоча ноги, а ребенок – нетерпеливо подскакивая, словно в радостном предвкушении. Вот он вырвал руку из ладони девушки и вприпрыжку побежал вперед, к собравшимся в хвосте колонны циркачам. А почти добравшись до них, непривычно громко и бодро запел:

Тра-та-та, тра-та-та,
Мы везем с собой года,
Горечь и потери,
Цирк и карусели,
Боль и ненависть глухая —
Вот компания какая!
Вот компания какая!

Одна за другой начали поворачиваться головы.

– Апи? – пронесся среди циркачей недоверчивый возглас. – Апи!

Мальчишка засмеялся и закружился на месте, а затем снова бойко запел, широко раскинув руки, словно наслаждался каждым мгновением и каждым звуком:

Тра-та-та, тра-та-та,
Мы везем с собой года,
Горечь и потери,
Цирк и карусели...

И хотя новые слова припева были весьма далеки от жизнерадостных, бодрый тон делал песенку задорной и почти веселой – особенно на контрасте со знакомыми словами о смерти из обычного припева.

– А Крис? – раздался взволнованный голос Мануэля, и вот уже воздушный гимнаст решительно проталкивался сквозь толпу. – Апи здесь, а она?

Из темноты выступил ягуар. Хищник встряхнулся всем телом, будто собака после купания, и через мгновение на его месте уже стоял Те. Он обернулся к отстающей девушке, и вскоре она тоже вышла из темноты.

– Крис! – радостно закричала Риона и, опередив Мануэля, сгребла ее в охапку. – Крис! Ты вернулась!

– Ри, – с облегчением выдохнула Кристина и обняла подругу.

Мануэль топтался рядом, терпеливо ожидая, когда на него обратят внимание, но потом не выдержал:

– Крис! Ты почему вернулась?

– Что значит «почему»? – возмутилась Риона.

– Я не то имел в виду, – тут же поправился он. – Как ты сумела вернуться? Джордан не из тех, кто просто так опускает.

– Ты прав, – ответила Кристина и устало провела рукой по лбу. – Мы с Апи сбежали.

– Что-о? Но как?

- Да погоди ты ее донимать, не видишь, она устала? – выговорила Мануэлю Риона.
- А что здесь происходит? – спросила Кристина, наконец-то заметив, что все циркачи собрались в хвосте автокаравана.
- Вообще, мы как бы собрались тебя спасти, – опередил Риону Мануэль.
- И для этого устроили пикет в темноте? – пошутила Кристина.
- Нет, – усмехнулась Риона, – мы собирались выслеживать «Обскурион». Оказывается, Гончие умеют вынюхивать другие цирки, а Дрессировщик – в теории – может заставить их взять след... Но ты, наверное, это уже знала?
- Да, – медленно ответила Кристина, прислушиваясь к чужой информации в своей голове, – что-то там про это есть...
- Ну, раз она вернулась, Гончие нам больше не нужны, так? – раздался громкий голос Кабара, прокладывая путь сквозь толпу.
- Это он стал Дрессировщиком? – вполголоса обратилась Кристина к подруге, хотя ответ был и так очевиден.
- Угу, – вздохнула Риона.
- Далекий вой гончих пробирающим до костей «У-у!» подхватил и продолжил ее ответ.
- Подожди, – остановила Кабара Кристина, увидев, что тот стал сматывать хлыст. – Он может еще пригодиться.
- Зачем? – ответил метатель ножей, и не думая прерывать свое занятие. – Ты вернулась, наш цирк снова обрел директора, ура-ура, все счастливы, и выслеживать «Обскурион» больше нет необходимости.
- «Обскурион» – нет, – согласилась Кристина. – Но нам нужно найти другие цирки.
- Кристина обвела взглядом собравшихся циркачей. Отметила, что среди них нет Фьора. Невольно задержалась на прищуренных глазах Джады. Увидела мелькнувшую на лице Графини растерянность и обратила внимание, как отвел глаза в сторону Вит. Поймала пронизательный, знающий взгляд Ковбоя, удивилась тому, что за время ее отсутствия его не выкинули из цирка, и сделала глубокий вдох. Она устала – она так сильно устала! Больше всего на свете ей хотелось вернуться в свой трейлер, рухнуть на кровать и проспать сутки, не беспокоясь ни о чем на свете.
- Однако должность директора цирка ощущалась почти физически, словно тяжелая шинель, накинутая на плечи, словно ладонь, напоминающим жестом прикоснувшаяся к руке. Эта должность возлагала ответственность, от которой Кристина не могла отвертеться, – и больше не собиралась этого делать. Она расскажет циркачам все. Все, в том числе и свой амбициозный план найти все остальные цирки, собрать все амулеты и с их помощью запечатать проход в их мир раз и навсегда, чтобы ни один фамилляр больше не мог через него проникнуть, а потом освободить «Колизион» и все остальные цирки и вернуться обратно, в прежнюю жизнь.
- Да, она выложит им все, а дальше уже их дело – верить или не верить, поддерживать ее или нет. Что перевесит: безумный, рискованный план без гарантии на успех или привычная, знакомая рутина их странной недолгой жизни, в которой они застряли после того, как их вытеснили фамиляры?
- Устраивайтесь поудобнее, – предложила Кристина циркачам, – я еще очень многое не успела вам рассказать, и разговор у нас будет долгий. А после него нам всем предстоит принять очень важные решения.

* * *

Обстановка дома становилась невыносимой; отношения отца и матери накалились до такой степени, что атмосфера гудела от напряжения даже несмотря на то, что родители друг

с другом не разговаривали. Они не разговаривали настолько демонстративно, что от этого «неразговора» едва не летели искры.

И хотя эмоционально их вражда Тину никак не задевала, она, разумеется, понимала, что так быть не должно. В идеале семья нового фамильяра должна жить в состоянии полного счастья и гармонии; это своего рода один из главных показателей того, что фамильяр преуспел. Тина обеспечила своей семье все, необходимое для счастья, так какого же черта до этого счастья в семье по-прежнему, как до Луны – пешком?

Хотя никаких сводов, кодексов и правил не существовало, по негласному положению вещей, фамильяры старались лишний раз не воздействовать на близких людей, и потому Тина с тяжелым сердцем применила внушение к матери, чтобы объяснить исчезновение Кирилла. Об отце беспокоиться не пришлось, он отсутствие сына не заметил.

– Его поместили в клинику. Очень хорошую клинику. Это только на время. Ему там помогут, – мягко внушала Тина матери, и та послушно принимала ложь.

Оставалось еще одно неудобство в виде школы, и Тина никак не могла решить, что же выгоднее: взять под воздействие каждого учителя и внушить ему, что она на самом деле ходит на уроки – весьма трудоемкое и энергозатратное занятие, либо все-таки ходить в школу, но при этом пропускать по полдня вместо того, чтобы быть вместе с другими хостильерами и Первым фамильяром.

Не то чтобы Тине так уж хотелось проводить много времени с последним; Первый фамильяр заставлял ее чувствовать себя крайне некомфортно, а хостильеры не отличались избытком дружелюбия. Однако у Тины было ощущение, что она и без того лишняя в их компании, а если она еще и не будет маячить у них перед глазами каждую минуту, ее и вовсе отстранят от происходящего, и спасибо, если не забудут, когда дело дойдет до освобождения от инициев.

В итоге Тина все же решила ходить в школу, потому что после нескольких дней пришла к выводу, что все равно в штаб-квартире не происходит ровным счетом ничего, напоминающего серьезную подготовку к беспрецедентному слову порядка вещей, который задумал Первый фамильяр. Сам он проводил время, упоенно играя в компьютерные игры, хостильеры вились вокруг него, соревнуясь между собой за его внимание, и ждали. Ждали инквизицию.

Тина тоже ждала, но через неделю начала терять терпение. Вдруг Первый фамильяр ошибается в своих предположениях, ведь он же практически ничего не знает о современном мире! А новые, неизвестные ему реалии вполне могли внести свои коррективы.

– Может, этих потомков инквизиции уже давным-давно не осталось! – выложила Тина Ивару, придя после уроков в штаб-квартиру и вытащив его на кухню, чтобы сидевший за экраном телевизора Первый фамильяр их не услышал. – Его не было три с лишним столетия, все колоссально изменилось! И чем сидеть здесь на месте сложа руки и ждать появления тех, кто никогда не придет, не лучше ли хотя бы начать думать над тем, как мы можем разыскать другие цирки?

На лице Ивара на миг отразилась вся его внутренняя борьба: согласие со словами Тины вступило в схватку с безусловной преданностью и верой Первому фамильяру.

Последнее победило.

– Он наверняка знает, что говорит, – использовал Ивар главный аргумент любого верующего.

– Я тебя умоляю! Кем ты его считаешь? Богом? Носителем высших сил? Он такой же, как мы! Просто ему посчастливилось избавиться от своего инициия первым! Если бы у меня было чуть больше времени, я бы и сама повторила этот трюк и освободилась бы безо всяких вмешательств высших сил! Яггер подобрался к моему иницию вот настолько близко! Еще одна попытка, и он бы ее наверняка убил!

– Так что же ты не попробовала еще раз? – раздался позади холодный голос Кирилла.

– Появился ты, – лаконично ответила Тина, поворачиваясь к Первому фамильяру и, как всегда, в самый первый миг видя перед собой Кирилла.

– Если ты не веришь, что я могу помочь вам освободиться, почему ты до сих пор с нами?

Краем глаза Тина заметила, как Ивар сделал пару аккуратненьких шажков в сторону, стараясь оказаться как можно дальше от нее, чтобы не попасть под удар или неудовольствие Первого фамильяра.

– О, я верю, – ответила Тина. – Хотя точнее будет сказать – я надеюсь. Я надеюсь, что ты и правда знаешь, как нас освободить.

– Надежда тоже хорошая цепь, – медленно произнес Первый фамильяр. – Держит крепче многих других. Что ж, надейся дальше!

Пожелание прозвучало не то угрозой, не то насмешкой.

Тина проводила взглядом удаляющегося в зал мальчика и тихонько перевела дух.

Она не рассказала о еще одной причине, по которой оставалась здесь. О, Тина действительно надеялась, что Первый фамильяр знает, как сделать их свободными от инициев. Но она оставалась еще и из-за Кирилла. Она должна его вернуть! У нее не было ни малейшей идеи, как это сделать, – договориться с Первым фамильяром, найти ему другое тело, провести еще один ритуал, – но она продолжала оставаться рядом, потому что не могла его бросить и надеялась, – снова надеялась! – что однажды такая возможность появится. И она вернет своей новой семье ребенка.

– Они обязательно придут, – не оборачиваясь, бросил Первый фамильяр. – Прибегут, как миленькие, едва весть о моем возвращении дойдет до них. Думаю, уже скоро...

Его слова оборвал громкий взрыв – и по времени это произошло с ювелирной точностью спецэффекта в кино, где каждое слово, каждая фраза, каждый жест и каждая сцена скоординированы для идеального воздействия на зрителя.

Взрывная волна вынесла входную дверь и вышибла стекла в окнах. В клубах дыма и граде осколков Тина с трудом рассмотрела темные фигуры, в считанные секунды заполнившие квартиру. Еще несколько мгновений, и все находившиеся внутри хостильеры, включая Тину, или лежали на полу, или оказались прижаты к стене с заломленными за спину руками.

– Вот и дождались, – язвительно пробурчала Тина, но тихо, под нос.

Способности фамильяра – это, конечно, преимущество, но оно практически нивелируется упирающимся между лопаток дулом автомата.

* * *

Казалось бы, что такого – войти в трейлер, в который уже заходила сто раз? Давно привычное, обыденное, знакомое действие. Однако, подойдя к трейлеру, который стал ей в «Колизионе» домом, Кристина испытала замешательство. Умом она понимала, что ночевала в нем всего несколько дней назад, но в то же время ей казалось, что с тех пор прошла целая вечность – столько всего случилось за этот короткий срок.

С непонятной ей самой опаской Кристина поднялась по ступенькам и зашла внутрь. Все те же многочисленные яркие маски и афиши на стенах, все те же зеркальные трюмо с гримом и косметикой, которые преображались в гламурные уголки красоты, стоило только включить голливудскую подсветку. Все те же узкие кровати вдоль стен и коробки под ними, вмещающие в себя скудное личное имущество артистов «Колизиона». Все хорошо знакомо – и в то же время все... нет, не чужое. Но словно настолько давно и хорошо забытое, что кажется чужим.

Лишь одно в трейлере оставалось все таким же хорошо знакомым и неизменным – полный неприязни взгляд русалочьих глаз Джады. И это было почти облегчением на фоне взглядов Себы и Кьяры, в которых смешивались настороженность, опаска и даже какое-то волнение

– то ли потому, что теперь они видели перед собой не Крис, а директора цирка, то ли потому, что до сих пор не справились с мыслью о грядущих переменах.

Чувствуя себя до нелепости некомфортно, Кристина неловко уселась на свою кровать и огляделась, гадая, чем бы ей заняться, чтобы не тяготиться напряженной атмосферой.

– Довольна? – нарушил густую тишину голос Джады.

Кристина почти обрадовалась. Лучше уж открытая конфронтация, чем эта наэлектризованная атмосфера.

– Чем именно? Тем, что цирк выбрал меня директором? Если честно, то не очень.

– Тем, что прожала свою повестку, и теперь мы все дружно покатаемся навстречу нашей смерти!

Кристина помолчала, собираясь с мыслями. Что ж, этого следовало ожидать. Никому не нравилось монотонное существование в «Колизионе», эта нескончаемая жизнь на колесах от представления к представлению, когда каждый раз не знаешь, останешься ли ты в живых. И в то же время, как только появилась альтернатива, шанс раз и навсегда разорвать порочный круг и кардинально все изменить, возможно – к лучшему, сопряженные с этим риски тут же высветили в нынешней утомительной, надоевшей жизни привлекательные черты, главной из которых было то, что в ней все так знакомо, к ней привыкли, в ней давно научились выживать и знали, как это делать. Выбирая между плохоньким, но зато хорошо знакомым и потенциально лучшим, но совершенно неизвестным, куда легче предпочесть первое... Поразительно, как отчаянно люди готовы цепляться даже за то, что не любят, лишь бы только избежать перемен!

– Если все получится, то мы навсегда освободимся и вернемся обратно в наши жизни, – напомнила Кристина, прекрасно понимая, что Джаду она этим аргументом не убедит.

Про то, что в случае удачи они также навсегда закроют мир от прихода новых фамильяров, Кристина говорить не стала; Джада не относилась к тем, кого волнуют судьбы других.

– Ключевое слово – «если». А если нет? – Прозрачные зеленые глаза конторсионистки сверкнули. – Все, гуд бай, адьос, оревуар! По мне, так лучше жить так, как сейчас, чем не жить вообще.

Кристина понимала, что далеко не все циркачи сегодня с радостью приняли предложенный ею план; она догадывалась, что кто-то согласился от безысходности, кто-то – под давлением общественного мнения, а кто-то просто не рискнул пойти против остальных. А это значит, что недовольство внутри цирка неизбежно. Джада лишь первая ласточка; наверняка впереди Кристину ждет проявление недовольства других, и ей нужно быть к этому готовой.

Например, потренироваться на Джаде. Но проблема в том, что спор с ней ни к чему не приведет; недовольство гимнастки простиралось за пределы несогласия с планом действий цирка, в его основе лежали куда более личные мотивы. И потому Кристина решила закончить их диалог прямо сейчас.

– Что ж, это твое мнение. Но большинство циркачей проголосовали за то, чтобы рискнуть и попробовать.

Джада презрительно фыркнула, выражая этим все, что она думала о коллегах и их свободе волеизъявления.

– Большинство проголосовало, но те, у кого еще остались мозги, – против.

– Сочувствую, что ты пала жертвой демократии, – ответила Кристина.

– Скорее уж жертвой идиотов.

– Считаю как хочешь.

Показное спокойствие Кристины вывело Джаду из себя.

– Это ты виновата! Заморочила всем головы, а они и рады проблеять свое согласие, как безмозглые бараны!

– Чем же это я заморочила им головы? – возмутилась Кристина. – Тем, что рассказала правду, как есть? Тем, что предложила план? Я же не заставляла никого соглашаться!

– Но ты пообещала свободу и возвращение в прежнюю жизнь! И как только они это услышали, – все, мозг отключился, и они пропустили мимо ушей все слова о рисках и опасностях. Не заметили, что на самом деле твой план основан на догадках. Ты *предполагаешь*, что если собрать все амулеты, то можно будет как-то там сложить заклинание, которое освободит нас от цирков. Но ты не знаешь, *как именно* это сделать.

Кристина отвела взгляд. Джада безошибочно указала на самое слабое место ее плана. А если уж говорить откровенно, то весь ее план – одни пробелы, догадки и слабые места. Кристина действительно лишь *предполагала*, что, собрав все амулеты, можно будет повернуть вспять заклинание, которое когда-то снесло барьеры между мирами. И даже если ее догадка верна, она не имела ни малейшего понятия, как именно это сделать. Если совсем по-честному, ее план можно было точно описать известным выражением «главное – в бой ввязаться, а потом посмотрим».

О, Джада была права по всем пунктам! Ее план безумен и обречен!

– Так давай иди, открой им глаза! – вдруг раздался позади голос Рионы.

Оказывается, она незаметно вошла в трейлер и, услышав последний выпад Джады, поспешила на помощь Кристине в тот момент, когда та уже была готова сдаться.

– Да кто меня послушает! – со вспышкой неприкрытой ярости и боли воскликнула Джада и резко отвернулась, пряча навернувшиеся на глазах слезы. – Всем всегда было плевать и на меня, и на мое мнение.

В этот миг перед Кристиной появился образ маленькой девочки в блестящем гимнастическом купальнике, которая с тоской смотрела на родителей, не обращавших на нее никакого внимания. Картинка была такой яркой и четкой, что на миг Кристине показалось, что ее снова посетило одно из тех стихийно возникающих видений прошлого. Но нет, это было лишь ее собственное воображение, которое взяло врезавшийся в память образ глубоко несчастного, чувствующего себя ненужным даже самым близким людям ребенка и наложило на нынешнюю Джаду, такую взрослую, красивую и внешне уверенную в себе. И сразу высветились ее душевная ранимость, хрупкость и боль, которые таились внутри с самого детства.

А потом круглый ожог на ладони налился жаром, и Кристину захлестнул поток эмоций, в котором смешались обида и страх, неуверенность и сомнения, горечь и злость, и ей потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, что это – те эмоции, которые испытывала Джада прямо сейчас.

Под влиянием внезапного порыва искреннего сострадания к той маленькой, несчастной одинокой девочке, которой была Джада когда-то, Кристина подошла к гимнастке.

– Джада, мне вовсе не плевать на твоё мнение. Я знаю, ты с детства привыкла, что на тебя не обращали внимания даже собственные родители, и, должно быть, чувствуешь себя никому ненужной, но, поверь мне, это не так! Ты нужна Себе и Кьяре. Ты нужна этому цирку...

– Замолчи! – выкрикнула гимнастка и зажала уши руками. – Замолчи! Замолчи! Да что ты знаешь о моем детстве? Не смей меня анализировать, поняла, психолог недоделанный? Оставь меня в покое!

Голос девушки перешел на такие высокие ноты, что казалось, вот-вот превратится в ультразвук. Иначе говоря, Джада находилась в полушаге от самой настоящей истерики, и Кристина послушно отступила назад. Она правда хотела как лучше, и ей было искренне жаль, что ее попытка проявить немного сочувствия заставила Джаду так ошетиниться и вызвала столь эмоциональную реакцию.

Кристина бросила извиняющийся взгляд на подруг гимнастки и вышла.

Но, даже оказавшись снаружи, она слышала доносившиеся из трейлера всхлипы Джады – сдавленные, полные боли и ярости.

Глава 7

Решительный стук в дверь белого трейлера Сола заставил Кристину поморщиться. Она пришла сюда, потому что цыганская кибитка по-прежнему не казалась ей местом, пригодным для жизни, пусть даже цирк и считал ее домом директора, а оставаться в своем прежнем трейлере тоже стало невозможно. Кристина хотела на время укрыться от всех и вся, чтобы побыть одной и успокоиться.

Остаться совсем одной не вышло. Мануэль практически навязал ей свою компанию, с завидной настойчивостью и глухотой пропуская любые намеки на то, что она хочет побыть одна, и мотивировал это заботой: «Тебе нельзя оставаться одной в таком состоянии». Сил на то, чтобы настаивать или спорить, у Кристины не было, и поэтому воздушный гимнаст не отставал от нее ни на шаг. Правда, и не мешал; когда зашли в трейлер Сола, Мануэль молча устроился в уголке и постарался сделаться максимально незаметным. И у Кристины появилась возможность остаться наедине со своими мыслями.

Да, не так, совсем не так она представляла себе революцию! Не то чтобы Кристина когда-то вообще представляла себя лидером, призывающим сломать существующий порядок вещей, но все же хотелось бы видеть от своих соратников больше энтузиазма. Циркачи же, выслушав предложение Кристины, поддержали ее план скорее из безысходности, а не потому, что искренне поверили в то, что они смогут освободить цирки, изгнать из мира фамильяров и раз и навсегда положить конец тому, что длилось вот уже несколько веков. «Такие грандиозные перемены свершаются великими людьми, – читалось у них в глазах и на лицах. – А мы – не они».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.